

18+

Игорь Талилеев

Старая фотография

Сборник рассказов

Игорь Галилеев
Старая фотография.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71388142
ISBN 9785006499065

Аннотация

В этот сборник вошли как новые, так и уже опубликованные ранее отдельными сборниками «По радуге любви», «Морские рассказы» и «На струнах души» произведения одного из самых читаемых писателей России Игоря Галилеева. Ни один из прочитанных рассказов не оставит вас равнодушным...

Содержание

«СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ»	5
ЖЕНСКИЕ ЦВЕТЫ	7
НЕЖНОСТЬ	24
ЗА СЧАСТЬЕ!	43
МАРИНОЧКА	58
КЛУБНИКА С УСАМИ	68
ИСПЫТАНИЕ СНЕГОМ	75
БОРОДА ИЗ ВАТЫ	85
	94
НЕВЕРОЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ	105
на ОРЛИНЫХ СКАЛАХ	
ДУРЁХА	121
ОТРАЖЕНИЕ	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Старая фотография

Сборник рассказов

Игорь Галилеев

© Игорь Галилеев, 2025

ISBN 978-5-0064-9906-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ»

Об авторе:

Игорь Владимирович Галилеев родился в Пензе 3 мая 1972 года. Рассказы начал писать с юного возраста, первая публикация одного из них – в 1986 году. С 1989 года работал корреспондентом в пензенской областной молодёжной газете. С 1990 по 1992 год проходил срочную службу в рядах Воздушно-десантных войск. Вернувшись из армии, возобновил работу в СМИ. В 2021 году вошёл в десятку лучших региональных журналистов России.

Победитель и лауреат международных литературных конкурсов, среди которых V Международный Литературный конкурс «Хижицы-2021», премия «ДИАС-2022», «Крымское приключение-2021, 2022», «В каждом человеке солнце» (I место, организован Международным Детским Фондом при поддержке Правительства Московской области), и других. Международным Союзом русскоязычных писателей в 2022 году был назван «Автором года». Публикации в журналах «Нева», «Чайка» (США), «Четверговая соль», «Сура», «Север», «Пашня», «Вторник», «Рассказки», «Литра» и других.

Автор романа «Красная зона. P. S. (из дневника доктора Рыбалкина)», и двух сборников рассказов «На струнах души» и «По радуге любви».

Живёт и работает в Пензе.

ЖЕНСКИЕ ЦВЕТЫ

Рассказ

Перед 8 марта, наверное, каждый мужчина задумывается о подарке для своей жены, невесты, мамы, бабушки, сестры, тещи и так далее. Я же исхожу их другого, более практичного, принципа: дарю подарки только тем, кто поздравил меня 23 февраля. По моему мнению – это очень справедливое решение. Нет, конечно же, я пробовал поздравлять буквально всех своих знакомых женщин с праздником и даже дарил чего-то – так сказать, с перспективой на будущее. Но эта практика показала, что мои старанья были напрасными – ничего не изменилось: за год мое внимание забывалось, и как получал я подарки только от самых своих близких представительниц женского пола, так получать и продолжаю...

Обидно было только вначале. Потом привык. И даже какая-то шкодливая радость появилась, когда иду, например, с парой букетов – для жены и тещи – и вижу грустные, с надеждой, глаза некоторых попавшихся навстречу женщин – мол, может, мне цветы несешь? Может, мне подаришь? Ведь, мол, нет у меня никого, сама себе веточку мимозы подарю и – всё...

Жалко их, конечно. Но что поделаешь – известно же, что на десять девчонок по статистике девять ребят...

Но в этом году все пошло не по плану. Вся моя принципиальность полетела в тартарары! А случилось вот что...

В конце февраля, находясь в командировке в Адлере, встретил своего сослуживца, которого, как мы совместными усилиями немного позже посчитали, я не видел ровно двадцать лет.

Надо сказать, что в субтропической части черноморского побережья ближе к концу зимы становится уже по-настоящему тепло – воздух как бы обновляется ароматами цветенья, соленым запахом моря и духом вездесущих специй. Именно их я привожу домой в качестве подарка для себя и еще пары знакомых, которые тоже любят вкусно покушать.

Само собой, и в этот раз за день до отъезда домой я отправился на адлерский Центральный рынок.

Ну что это за кладезь! Здесь есть все! Даже то, чего нет в Греции... Сколько здесь всевозможных вкуснятин, сколько разных мяк! Первые шаги по рынку я всегда делаю с закрытыми глазами – это для того, чтобы в полной мере насладиться невероятнейшим букетом запахов. Поверьте, такого нет больше нигде. Затем, медленно вышагивая вдоль рядов и останавливаясь у каждого прилавка, с удовольствием соглашаюсь что-то попробовать. При этом обязательно цокаю языком и говорю:

– М-м-м, как вкусно...

И продавец расцветает, начинает важничать, рассказывает как вырастил, как собрал и так далее – ему денег не надо,

доброе слово гораздо важнее.

И в этот раз я уже попробовал мед из белых акаций, маринованный острый перец, там же – аджику красного и зеленого цвета, затем – жареную барабульку, арахисовую халву, только что сорванный с ветки лайм и потихоньку приближался к прилавкам со специями, которые, как я сказал выше, были целью моего посещения рынка. И вдруг слышу:

– Ёперный театр! Игорян, ты?

Это оказался стоявший за прилавком с сушёной, копченой и вяленой рыбой мужик примерно моих лет с загоревшим лицом, которое светилось радостью из-под стандартной кавказской кепки с названием «аэродром».

– Не узнал?

Я присмотрелся повнимательнее – нет, не узнал вроде...

– Да это же я, Ванька! Сорокин!

Батеньки мои, и правда – он! Мы с Иваном срочную службу в Литве проходили.

– Не может быть! Ваню!!!

Уже через секунду он сжимал меня в своих объятьях. Искреннее счастье встречи сопровождалось похлопываниями по спине и смехом.

Минут через пятнадцать Ванька кого-то попросил убрать свой товар и мы вышли на площадь перед рынком. В разговоре выяснилось, что он уже пятнадцать лет как из Воронежа переехал в Адлер – здесь у него доставшийся от жениных

родителей дом, большой сад и даже небольшое подсобное хозяйство есть. Кроме этого, успевает и порыбачить с собственного катерка. В общем, молодец – все у него хорошо и он счастлив. Но так как данное повествование не о нашей встрече, а о другом, ее подробности в виде вечерней дегустации домашнего вина, чачи и прочих излишеств – я в описании опускаю.

На утро Иван повел меня показывать свой сад, изюминкой которого, как мне показалось в тот момент, были два великолепных дерева цветущей мимозы.

А какой рядом с ними стоял аромат... С непривычки даже голова закружилась.

– Ты представляешь, – рассказал Иван, – мимоза только раз в год цветет. И именно к восьмому марта – как по заказу! Может, поэтому она и считается воплощением весны и лучшим цветочным подарком на праздник...

Может быть, конечно, и так... Но у меня свое мнение относительно этого растения: уже через пару-тройку дней от засохших желтеньких комочков спасу нет! Все ими усыпано... Тем не менее, видя энтузиазм Ивана, я головой покивал – все по тому же принципу: «м-м-м, как вкусно» – и спорить с ним не стал. Как оказалось, зря...

Мой поезд отходил в обед, так что мы и позавтракать, и завершить дегустацию напитков успели. Когда же настала пора собираться на вокзал, сослуживец вызвался меня проводить

и при этом задумчиво произнес:

– А то ты один не донесешь...

– Чего не донесу? – Высказал я свое недоумение. – У меня всего-то один портфель с ремешком через плечо...

Иван на пару минут скрылся где-то в глубине дома и появился уже с двумя огромными клетчатыми сумками, с которыми бизнесмены первой волны в Китай за товаром ездили.

– Вот, – говорит, – это мой подарок всем твоим женщинам...

И расстегивает метровые молнии...

А там!..

Битком ветки той самой мимозы!

Естественно, что я вначале отнекивался, мол, у меня столько женщин, сколько цветов в этих клетчатых мешках, за всю жизнь не было. Но все без толку. Ладно, думаю, почему бы и нет – согласился в общем.

Справедливости ради надо сказать, что Иван меня прямо до купе проводил, и сумки сам, как полагается, на багажных полках пристроил. На перроне попрощались по-братски. Даже прослезились. Договорились, что теперь будем созваниваться и больше не потеряемся. А летом он меня с женой в гости ждать будет. На том и расстались.

...В Пензу я приехал шестого марта с головной болью и вопросом: на хрена мне столько мимозы?..

С вокзала домой добрался с небольшими приключения-

ми – два первых такси везти меня отказались по причине огромного размера багажа. Домой зашел с улыбкой:

– Вот, – говорю жене, – с праздником тебя!

И сумки расстегиваю...

– Один мешок – тебе, другой – твоей маме... Вот обрадуются! Наверное...

Жена счастливой, однако, не выглядела.

– Мне, конечно, еще никогда зараз столько цветов не дали... Но это уж больно чересчур.

И всего две веточки достает.

– Этого достаточно будет. А остальные, – говорит, – куда хочешь девай. Вот хоть на улице проходим раздай...

А что? Идея-то замечательная! Но представить себя на оживленном перекрестке, пристающим к дамам с бесплатным подарком, я так и не смог.

Подмога пришла с неожиданной стороны.

На следующий день, когда возвращался с работы, у подъезда встретился сосед дядя Андрей – мужик не плохой, пенсионер уже, но «за воротник» заложить любит.

Он меня еще издали приметил:

– О-о-о, соседушка, родной мой, сколько лет, сколько зим... – Всегда, когда он так начинал, фраза заканчивалась просьбой занять денег. – Что-то неделю тебя не видно было. На курортах что ли отдыхал?

– Нет, дядя Андрей, – говорю, – на курортах был, но не отдыхал – по работе ездил.

– На курортах, значит. . . – пенсионер в силу возраста хорошим слухом уже не обладал. – Красиво жить не запретишь! – И рукой махнул. – И правильно! Чего их жалеть-то, деньги-то эти! С собой ведь не заберешь – на небе коммунизм, наверное, дензнаки не нужны будут. Верно же?

И в глаза заглянул.

– Не знаю, дядь Андрей, не был я там. . .

– Вот и я говорю, неча жалеть. А богатство надо нуждающимся раздать. У тебя тыща лишняя есть?

– Нету! – Я специально погромче сказал, чтобы в этот раз он все как надо услышал. – Лишних денег сейчас ни у кого нет!

И тут у меня идея возникла. . .

– Дядя Андрей, а ведь я тебе могу даже две тысячи дать.

Но только если ты мне завтра поможешь кое в чем. . .

В этот раз он все правильно услышал.

– Излагай, слушаю.

В общем, идея дяде Андрею понравилась и уже через пару минут мы ударили по рукам, договорившись утром встретиться на этом же месте.

Восьмое марта выдался солнечным и теплым. В девять утра я вышел к подъезду с двумя клетчатými сумками набитыми ветками мимозы. К удивлению, дядя Андрей меня уже ждал. Ради праздника и для соответствующего антуража к нашей запланированной «операции» он был выбрит и относительно свеж. Кроме этого, в руках он держал детские са-

лазки, на время одолженные у внука, на которых мы планировали осуществить доставку мешков к рядом располагавшемуся крупному торговому центру.

Пока все шло, как и было задумано.

Но дорога заняла времени несколько больше запланированного. Виной тому был рыхлый подтаявший снег и, собственно, сам дядя Андрей, который периодически вставал на полозья санок для того, чтобы прокатиться на халяву. На площади перед торговым центром располагался импровизированный рынок, на котором местные бабули продавали свои овощные заготовки, а приезжие деревенские жители – домашнее молоко, творог и сметану.

Собственно, здесь мы и решили устроить бесплатную раздачу веток мимозы. По обоюдному согласию роль «зазывалы» должен был исполнить дядя Андрей. Не бесплатно, конечно, а за те самые, мной обещанные, две тысячи.

Народу вокруг было много – день все-таки выходной и многие направились в торговый центр за покупками, необходимыми для организации праздничного стола. Мы выбрали, как нам показалось, очень ликвидное место – рядом с широкими ступеньками входа.

Сумки поставили прямо на снег и сверху них выложили охапку веток мимозы.

Дядя Андрей к моему удивлению сразу же громко крикнул, процитировав фразу из известного советского фильма: – Налетай, не скупись, покупай живопись!

Естественно, я возмутился:

– Дядь Андрей, зачем же ты народ в заблуждение вводишь?! Мы же вроде не продаем ничего...

– Не бойсь, соседюшка! Это я чтобы на нас внимание обратили.

И вдруг в пляс аля-яблочко пустился. Даже присвистнул при очередном па, изображающем матроса, который по мачтовому тросу карабкается.

Да, внимание на нас обратили сразу же...

Это были два крепко сбитых охранника торгового центра, очень похожих на братцев из ларца в мультфильме про ленивого Иванушку.

– Тормозни-ка, дед. – Один из них положил дяде Андрею здоровенную ладонь на плечо, останавливая танец. И потом ко мне обратился: – Чё по чем – хоккеей с мячом?

– Ни почём, – отвечаю, – Бесплатно хотим женщин порадовать, за просто так мимозу раздаем...

– Ага, порадовать, – лицо охранника расплылось в улыбке и стало похожим на свиное рыло, – Бесплатно, значит...

И вдруг как тыкнет меня пальцем в грудь – я чуть не упал от неожиданности:

– Ты кому лапшу вешаешь, фея цветочная? А? Женщин он радовать собрался! А нас кто тогда порадует?

– Да вы на женщин-то мало похожи, – вмешался дядя Андрей. – Хотя, кто знает... Вона в европах этих, смешалось все: губы накарсил, туфельки сорок пятого размера на каб-

луках одел – и баба вроде...

– Я те щас... – разговорчивый охранник даже замахнуться хотел.

– Но-но! – дядя Андрей указательным пальцем перед его носом погрозил. – Я те замахнусь! В ответ так вдарю, мало не будет. И разбираться не стану – что у тебя там под юбкой растёт...

Тут второй охранник вмешался:

– погоди, Лёня, – за руку своего напарника остановил, – не видишь, что это – идиоты? С ними на их языке надо.

Дядя Андрей, включив «глухаря», на «идиотов» среагировал:

– Во-во, мою жену покойную тоже Леной звали.

Второй охранник куда как сдержаннее первого оказался:

– Ну, дед, язык у тебя острый – ноги брить можно.

– И я об этом, – согласился сосед, – Голубчики вы несчастные...

– Ладно, – охранник сплюнул сквозь зубы, – хорош трепаться. В общем, так, за место на полдня с вас пять тыщ. Это если и правда – бесплатно раздавать мимозу станете. Если продавать – то десять.

И видя зародившееся возмущение в моих глазах, добавил:

– Даже если уйдете сейчас, пятёра все равно с вас – место-то уже заняли, а там – сами решайте что на нем делать будете: плясать, петь, или семечки щелкать. А без оплаты уйти не получится – при попытке к бегству ментам сдадим за неза-

конное предпринимательство и несанкционированную торговлю. Ясно?

Вот зараза! Куда уж яснее...

– Есть, конечно, другой вариант, – продолжил охранник, – цветочки нам отдадите – бесплатно, само собой, как обещались, и шагайте восвояси.

Тут уже моя гордость проявилась:

– Хренушки вам! Целый букет из них! Те, что подлиннее – вместо дубинок резиновых, а те, что поменьше – себе на свистульки оставьте... Сказано – ничего не продаем! Поэтому никакого предпринимательства с торговлей – вызывайте кого хотите. Или вы со всех торговцев на этой площади дань берете? Вот это кое-кому интересно будет...

– Ладно, дядя, не пыли, – охранник даже улыбнулся примирительно. – Дело ваше. Но если вдруг вас здесь тронет кто, помочь не сможем.

– А мы сами с усами. – Вставил «три копейки» дядя Андрей. – Сами кого хошь обидим, если надо будет.

На этих словах охранники развернулись и обратно в торговый центр зашли. И тут же мой сосед что есть мочи закричал:

– Бабоньки! Родимые мои!!! Я клубника с молоком – налетай за счастьем в дом! – и снова в пляс пустился.

Первой подошла грузная женщина лет за пятьдесят невысокого роста. Поставила две авоськи на снег и у меня спросила:

– Почём же ты это чудо продаешь?

– Бесплатно отдаю, – отвечаю. – Но только по одному экземпляру в руки. Не больше.

Женщина сделала лицо удивленным.

– Хм, что, и много их у тебя?

– Да кто считал-то? Штук триста. Может, и больше...

– И не жалко?

– Для счастья – ничего не жалко!

И женские глаза растаяли... Искорка появилась... Улыбка на губах дрогнула...

Я ей было веточку покрасивее выбирать начал, но она от меня отвернулась и к дяде Андрею подошла.

– Звать-то тебя как, подарок?

– Андреем... – сосед остановился и краской залился: то ли от танца своего, то ли от внимания женского.

– Ну, Андрей, бери сумки-то, домой пойдем...

– Дык...

– Ладно, и правда – тяжело тебе, наверное, будет. Одну бери, вторую – я понесу. Дома-то уже борщ есть, картошечка жареная с грибами, ну и в честь праздника – чекушечка тоже найдется.

Смотрю, у дяди Андрея слезы на глазах появились... Подошел ко мне, скромно так улыбнулся.

– Извини, соседушка, – говорит, – пойду я... Вишь как твоя мимоза жисть перевернула... – И в глаза мне заглянул: – Разреши, возьму веточку. В подарок...

Я только и смог что головой кивнуть.

Дядя Андрей к ожидающей его женщине подошел и цветков вручил. А она раскраснелась, к нему потянулась, в щеку чмокнула... Взяли они по одной авоське и под ручку в сторону пятиэтажек пошли – два счастливых человека...

Ну что здесь сделаешь? Хорошо, что такие вот выкрутасы случаются – они ведь смысл жить дают. Надежду дарят...

– Слушай, сынок, правда, что ли без денег, за просто так раздаешь? – прервал мои позитивные размышления пожилой женский голос.

Это оказалась бабушка лет семидесяти пяти, закутанная еще по-январски в пуховый платок и в валенках без галош.

– Так и есть, бабушка, – говорю, – без денег.

Она даже ладони в варежках к груди прижала.

– Честно?

– Конечно, честно! – а сам веточку ей протягиваю. – Натевот. С праздником вас!

Тут бабушка заплакала.

– Меня же, считай, лет пятнадцать никто с восьмым мартом не поздравлял... Дед-то, муж мой, давно, четверть века как умер. Потом уже и сын со снохой в аварии погибли. Родить так и не успели никого... Одна-одинешенька живу вот теперь. – И рукой слезы с лица смахнула. – Хотя, какой там – живу... Доживаю разве...

И так посмотрела на меня, словно в самую душу заглянула:

– Спасибо тебе, сынок...

А у меня комок в горле – ответить ничего не могу. Взял еще две веточки, ей протянул – мол, вот вам: от тех, кто поздравить хотел бы, но не может уже...

Бабушка лицо в мимозы спрятала – слышу: плачет... Так и пошла, на ходу аромат цветов вдыхая, радуясь долгожданному привету с неба...

Ну вот правда – и мне как-то легче на душе стало. Вроде бы ничего не сделал, а толику счастья принес.

А тут и солнце из облаков выглянуло, своими лучами всё и всех переплело, связало узелочками невидимыми. Смотрю: и улыбки на лицах прохожих появились. Весна!

– Дяденька! Дяденька! – слышу. Но откуда слова доносятся – не пойму никак. За мешки с мимозой заглянул – а там девочка маленькая – полтора вершка от горшка – стоит, большими глазенками на меня зыркает.

– Ты чья же будешь? – Спрашиваю.

– Сама своя и буду. – Отвечает.

– А мамка с папкой твои где?

Прежде, чем ответить, девочка вздохнула:

– Кабы я знала, где их носит... Потерялись, наверное...

Вот те раз! Я ее за руку взял, а сам по сторонам смотреть начал. Но суеты или убитых горем потери своего ребенка мам что-то не наблюдалось. Пришлось действовать иначе.

– Граждане! Уважаемые граждане!!! – Кричу. – Кто потерял девочку? У кого пропал ребенок?

Смотрю, та бабушка возвращается. Подошла, посмотрела

на девочку внимательно:

– Машенька, ты чего же это, опять убежала?

Девчонка глаза опустила, покраснела.

– Угу...

– Ай-яй-яй, ведь большая уже, а все бегаешь... – устыдила бабушка девочку, и ко мне уже: – Она в детдоме недалеко здесь живет, я ее третий раз, считай, к ним возвращаю.

Девочка вдруг за ногу бабушкину ручками вцепилась:

– А ты, бабуля, не возвращай меня больше... – И глаза уже слезами заполнились, как озерца маленькие. – Можно я с тобой жить останусь?..

Бабушка наклонилась к ней, обняла, к себе прижала, плачет – слезы по давно проложенным на морщинистом лице тропинкам ручейками побежали.

– Крошечка ты моя, не разрешит мне ведь никто...

– А ты скажи, что я родная твоя – они поверят!

Бабушка выпрямилась – и будто сила в ней какая-то появилась: плечи расправились, в глазах ясность возникла.

– А пойдем, поговорим – запретить к тебе хоть каждый день ходить мне уж точно никто не сможет!

И пошли, держась за руки – две семенящих, шаг подбирающих, одиноких души. Одна – помолодевшая в своей решимости, другая – с тяжким грузом еще не до конца понятого несчастья...

И как-то незаметно, друг за дружкой, женщины стали подходить – разные совсем: и молодые, красивые, и немного

старше, но уже, наверное, одинокие, и в возрасте – всем немножко весны и ее тепла в виде солнечной мимозы хочется!

И тут вдруг ко мне тот, первый охранник, подходит:

– Ладно, мужик, извини, что так вышло, – и руку для пожатия тянет. А я чего – конечно, пожал. Видно же, что от души. – Смотрю, зашиваешься. В общем, давай помогу...

И рядом со второй сумкой встал. Сам ветки мимозы из нее достал, женщинам раздает, улыбается... И ведь улыбка какая-то другая у него стала – человеческая, с любовью в глазах.

За полчаса мы все раздали. Я даже устать не успел. Но настроение вдруг таким стало, что, показалось, душа сейчас взорвется и собой весь мир заполнит!

Домой зашел, жена, смотрю, улыбается.

– Ты чего? – Спрашиваю.

– Я за тебя рада, – отвечает, – и за всех тех женщин, что ты порадовал, тоже.

Оказалось, что она в тот торговый центр ходила – и меня видела. Говорит, что даже плакала немного. От гордости, что у нее муж вот такой – счастье раздает...

И так хорошо стало! Поэтому пообещал себе, что на следующее восьмое марта обязательно еще больше мимозы от сослуживца привезу! Еще больше женщин порадую! Ведь именно их улыбки февральский лед топят; именно их глаза,

теплом наполненные, больше солнышка мартовского греют;
и именно их сердца, любовью дышащие, к нам весну приво-
дят...

НЕЖНОСТЬ

рассказ

В тот год апрель в средней полосе России выдался фантастическим – снег уже сошёл, дневное небо было невероятной синевы, а солнце грело так, что кое-где набухли почки, готовые того и гляди лопнуть зеленыю. Не знаю – как у современной молодёжи, но у нас, нашего поколения, главным признаком наступления весны считалось появление на улицах девушек в колготках – в прозрачных, а не в каких-то там гамашах! И, конечно же, в юбочках коленей совсем не прикрывающих! Девчонки, улыбающиеся вроде бы скромно, но игриво поглядывающие из-под ресничек, были как те первые цветы, протягивающие свои лепестки к солнышку в поисках тепла и ласки, всегда готовые откликнуться трепетным флюидом.

Ах, что это за время!

Сколько шалостей и глупостей оно подразумевает! И сколько разбитых девичьих сердечек оно оставляет после себя...

Мой отпуск выпал на второй весенний месяц. И хорошо, что так. Ведь летний отпуск из года в год одинаков, однообразен, несмотря на смену мест его проведения.

На тот момент за моими плечами уже был опыт брака.

И примерно с год к новым отношениям я не стремился – устал от эмоций и необходимости кому-то что-то объяснять и доказывать.

Поэтому поехал на море один.

Апрельский поезд веселым, в отличие от погоды за окном, не был – моими попутчиками в купе оказались две пожилые женщины, которые ехали в Крым на санаторное лечение. Расположились они на нижних местах. Впрочем, верхняя полка в поезде мне нравится больше – читать-спать-мечтать можно сколько душе угодно. И никто при этом не мешает и не отвлекает.

Но не в тот раз – бабушки, к моему сожалению, оказались очень общительными.

– Молодой человек, – обратилась ко мне та, что была в адидасовском спортивном костюме синего цвета, поглядев на меня поверх очков в металлической оправе в форме лежащих на боку капелек. – Вам никогда не говорили, что у вас ступни красивые?

От неожиданности книга с романом Пикуля выпала из моих из рук.

– Нет, не говорили, – какую эмоцию при этом – сожаление или радость – нужно бы изобразить на лице соответственно ситуации, я ещё не понял.

Вторая женщина, та, что была в джемпере с оленями, встала со своего места и с прищуром принялась рассматривать мои ноги.

– Да, Люсенька, пожалуй, я с тобой соглашусь, – при таком анатомическом изучении, если бы я мог, то втянул бы ноги в себя. Как черепашка. Стало не очень уютно. Поэтому, прикрыв себя простынкой, сделал вид, что снова погрузился в чтение.

Собственно, за сутки с лишним дороги это и был самый запоминающийся момент – остальное её время прошло в вялых женских обсуждениях семей своих дочерей, их мужей-неудачников и сюжета какого-то сериала, недавно с треском прошедшего на одном из центральных каналов; и в счастливой дреме, которая периодически вселяла меня в тело гайдаевского киногероя, которому прораб на стройке рассказывал о космических кораблях, бороздящих просторы Большого театра...

К финалу путешествия я стал готовиться после того, как за окном остался солнечный в обрамлении пальм Джанкой.

Из Симферополя в Ялту ехал на такси, приоткрыв окно и принюхиваясь к запахам – вбирал их в себя и сохранял в памяти...

Крым прекрасен! И в миллионный раз я радуюсь тому, что он у нас есть...

Гостиница располагалась на Екатерининской, недалеко от моря. Заселился быстро, и номер порадовал прохладой и комфортом. А так как близился вечер, перекусить решил на набережной.

...Мне нравится готовиться к поездке на полуостров, нра-

вится быть соучастником переплетения времен, представляя узнавание в прогуливающих по набережной прохожих Чехова, Куприна или даже Есенина... А так как мои фантазии подобные встречи подразумевают, то и наряды для них я всегда выбираю соответствующие. Чтобы стыдно не было, если, не дай бог, они меня в шортах увидят... В этот раз я взял с собой белые льняные брюки, белого же цвета рубашку и плетеную с неширокими полями шляпу. Тоже, разумеется, белого цвета.

К вечеру стало немного прохладно, но последние ускользающие за морской горизонт лучи солнца ласковым теплом откликнулись на мою приветственную улыбку. Прохожих было не много – в основном пожилые пары и семьи с детьми.

Для ужина я выбрал уличное полупустое кафе внизу Черноморского переулка. Есть, в общем-то, не хотелось, поэтому заказал только два эклера и кофе. Присев за столик, из-за которого было видно море, я, наконец, выдохнул: вот оно, ощущение счастья отпуска, предполагающего беззаботность и праздность, которая, между прочим, подразумевает и беззастенчивое разглядывание прогуливающих по набережной отдыхающих.

– Вам, наверное, скучно? – именно в тот момент, когда я откусил сразу половину пирожного, спросил меня девичий голос за спиной. Это оказалась совсем еще юная девушка, расположившаяся за соседним столиком. На вид ей лет семнадцать, а детскости внешнему облику добавляли изображе-

ния кота Тома в обнимку с мышонком Джерри на груди розового цвета толстовки. И еще глаза... Огромные, ярко синего цвета, распахнутые с любознательностью только что появившегося на свет человечка.

Пока я подбирал ответ, пытаюсь проглотить эклер, девушка сказала:

– А я вас узнала. Хотя вы в очках и даже в шляпе...

И улыбнулась...

– Да? Странно... Ведь я самый обычный человек и узнавать меня не за что...

При этом я вспомнил своих попутчиц в купе, восхитившихся моими «красивыми ступнями», и спрятал ноги под плетеное кресло. В остальном, собственно, ничем особенным из миллионов других людей на планете я не выделяюсь.

Дело в том, что я – врач хирургического отделения в своей областной детской больнице. И узнать любого из нас, моих коллег, в принципе затруднительно – ведь пациенты видят нас в основном в масках и медицинских халатах...

– Ага, понимаю – хотите остаться инкогнито... – Девушка взяла свою чашку с кофе и, не спрашивая разрешения, села за мой столик. – Понимаю, налетят зеваки, автографы будут выпрашивать, фотографии делать, на шею начнут вешаться. Маскируетесь, значит. Понимаю. – И уже шёпотом:

– Не бойтесь, я никому не скажу...

Ладно, думаю, это, наверное, игра такая – буду соответствовать. Тем более что почувствовать себя «звездой» хо-

тя бы с десятков минут – ну очень приятно.

– Хорошо, – говорю, – раскусила ты меня: я он и есть. Только ты на самом деле не говори об этом никому, уж очень я устал от всей этой славы и почестей...

И вздохнул для убедительности.

– Договорились! – Девушка даже в ладоши хлопнула и спросила неожиданно: – А можно я с вами по набережной погуляю?

И видя мое смущение, добавила:

– Вы не бойтесь, вы сейчас так одеты, что вас узнать почти невозможно. Если я не скажу... А я не скажу – обещала же! Чтобы вас узнать, вас любить надо. Как я...

И глаза спрятала, покраснев.

Вот тут уже интересно стало – что же «я» такого хорошего сделал, что «меня» подростки заочно любить начали. Ведь моя внешность далеко не выдающаяся – по крайней мере, на Брэда или Криштиану я даже издали в сумерках не похож. Поэтому спросил об этом у своей собеседницы:

– Интересно, за что же ты меня любишь?

Прежде, чем ответить, она встала и потянула меня за руку – пришлось подчиниться, и уже через несколько секунд мы оказались в слабом потоке гуляющих курортников.

– Хм, – она еще раз пристально посмотрела на меня, – сложно сказать... Вы какой-то родной. Как будто я с вами всю жизнь вместе прожила. И глаза у вас очень хорошие и...

– Что «и»?

– Я вас именно вот таким в своих мечтах представляла... Бывает, обниму подушку, прижмусь что есть сил и мечтаю о настоящей, как сейчас, встрече с вами...

Остановилась. И вдруг порывисто так, неожиданно обняла меня и щекой к груди прижалась.

– И вот, – продолжает, – меня небо услышало: смотрю на вас, и глазам своим не верю. Значит, правда это, что мечты сбываются.

...Да уж... Теперь точно нельзя говорить о том, что я не тот, о ком она во снах грезила – со сбывшимися мечтами, как с хрусталем, очень аккуратным надо быть.

Так и стояли в тени часовни Новомученников – она: прижавшись ко мне; я: опустив руки и не понимая – что делать дальше, – глядя на исчезающее где-то за Ливадией солнце...

... Чуть позже пошли просто гулять по Ялте – не торопясь, наслаждаясь прохладой вечера. Девушка говорила без умолку и за время прогулки рассказала мне, наверное, всю свою жизнь.

Зовут её Ирина. Ей восемнадцать. В Крым, к бабушке, которая живет здесь постоянно, из Саратова переехала десять лет назад. После гибели родителей в автомобильной аварии... Говорит, только недавно снова жить начала, радоваться дневному свету и морю.

– Я ведь в один момент подумала, что говорить разучилась... И испугалась! Так же вся жизнь может в темноте и тишине пройти. Да и страшно это – с призраками жить. Вот

и пошла снова учиться – ничего, догнала сверстников, смогла. Летом в медицинский институт поступлю. Что потом будет – не знаю, не загадывала, время покажет...

Пока шли по Пушкинской, Иринка рассказала и о бабушке, и о родителях. Меня при этом ни о чем не спрашивала – иногда просто остановится на секунду, посмотрит внимательно, будто одобрения своим тем или иным словам спрашивает, улыбнется и дальше рассказывать продолжает. Только один раз про мою семью спросила:

– Что я все о себе да о себе! Вот, например, о вас я почти ничегошеньки не знаю...

– Так и знать нечего... С женой вот недавно расстался... Сейчас даже не общаемся совсем, – зачем-то добавил.

Девчонка в очередной раз остановилась, за ладонь меня своими теплыми пальцами взяла и очень искренне тихо произнесла:

– Вы только не расстраивайтесь, не переживайте – значит, не родной она вам человек была. Значит, скоро нового, своего человека встретите...

И погладила по руке успокаивая...

Конечно, встречу, как без этого. Только вот почему-то тоска пришла – от того, что один в отпуск приехал. А это, как известно, самая верхняя ступень на лестнице одиночества. Потому как на курорте даже чайки парами летают...

Наверное, Иринка что-то такое почувствовала во мне, потому что вдруг снова прижалась и своими пальцами мои пе-

реплела.

– Знаете, что я подумала? А давайте-ка я вас с бабушкой познакомлю! Тем более что я живу здесь рядом.

Нет, наверное, это будет уже лишним, подумал я. Но вслух сказал другое:

– Я тебя все-таки просто провожу до дома – если и правда не далеко. Ну а завтра, если захочешь, вечером на том же месте и в тот же час?

– Ох, обманете вы юную девушку... – и посмотрела с улыбкой. – Ну да ладно, что с вами поделаешь... – вздохнула понарошку.

Оказалось, что жили они на самом деле близко – в Крутом переулке недалеко от Цветочного рынка. Это был двухэтажный дом со свежепокрашенным желтого цвета фасадом. До окон второго этажа от земли вился плющ с огромными тёмнозелеными листьями. Даже ставни были – как полагается, деревянные резные и с сердечком посередине.

– Вот здесь я и живу, – сказала Иринка, показав рукой на два крайних справа окна второго этажа. В одном из них появилась седая в кудряшках голова женщины, которая уже через секунду громко произнесла:

– Ирка! Шолопутная! Где тебя носит? Я уже второй раз ужин грею! – И тут как будто только заметила меня: – Здравствуйте! Спасибо, что привели! – И снова к внучке: – Видишь, тебя уже милиционеры домой возвращают...

– Ба! – Ирка залилась смехом, – какой же это милицио-

нер?! Посмотри получше! Это, ну вспомни, ба! – тот самый, о ком я тебе тыщу раз рассказывала! А ты мне не верила, что я его когда-нибудь встречу! Вот!

И вперед меня легонько подтолкнула – мол, вот «он», самый настоящий.

Бабушка из окна голову чуть ниже опустила.

– Вы простите меня, слепую, я без очков не вижу ничего... – и глаза прищурила. – Значит, и правда – вы. Нашла, значит... Вы уж не сердчайте на нее – как вобьет себе что-то, в век не отстанет! Да чего же вы внизу-то? Давайте, поднимайтесь, ужином кормить буду.

– Спасибо, – отвечаю, голову задрал. – Я сыт уже. Да и неудобно. Давайте, на другой день как-нибудь договоримся – я же только сегодня приехал, впереди еще целый отпуск, успеется... – и к Иринке повернулся: – Ты не обижайся и не грусти, я с дороги устал очень, выспаться надо – глаза слипаются уже. А завтра – как договорились, там же и увидимся.

Она задумалась на секунду:

– А вы мне, чтобы наверняка, свою вещь какую-нибудь оставьте. В залог, так сказать... – и осмотрела очень внимательно. – Вот хотя бы шляпу. Если не жалко, конечно...

Нет, чего ее жалеть.

– Бери. – Снял свой головной убор и ей протянул. – Только не потеряй.

Ирка шляпу тут же на себя одела и бегом к подъезду!

И уже со ступенек донеслось:

– До завтра... Увидимся...

Я рукой улыбающейся бабушке помахал и обратно пошел, через набережную и в гостиницу.

...Да, чего только в жизни не случается! Первый день как в отпуске, а уже вон какое приключение... Удивительное и странное... По дороге попробовал в себе разобраться – чего же испытываю. Вроде бы и жалко девчонку, но радости и жизни от нее столько, что дух захватывает! А наивности в ней – на полмира хватит. Нельзя такую обижать...

В общем, решил, что приду в то кафе завтра, как обещал. А там – будь что будет! Жизнь-то одна.

...Но не случилось.

Проснулся я от звонка телефона...

– Слушаю, – сказал в аппарат, потягиваясь под одеялом.

– Старик, доброго утра тебе! – это оказался Сергей Сергеевич – заведующий хирургическим отделением в больнице. Звонил он мне крайне редко и по самым экстренным случаям. Ну а в отпуске он вообще вряд бы ли решился меня потревожить. Только если вопрос касается буквально чьей-то жизни...

– Ты прости меня, пожалуйста, что как снег на голову – все понимаю: отпуск и так далее... Ты здесь очень нужен.

Оказалось, что у одной из моих очень маленьких пациенток случился послеоперационный рецидив и если еще одну

экстренную операцию не провести... В общем, нельзя откладывать. Поэтому, завершив разговор, сразу собираться в дорогу начал.

Самолет из Симферополя после обеда и несколько часов у меня еще было. Иринка вспомнилась – получится, что обману я её... Нехорошо это! Быстро оделся и бегом на улицу – все рассказать и объяснить успею еще!

Через пятнадцать минут я уже был под окнами ее дома.

К подъездной двери подошел и... испугался. Ну чего я ей скажу? Кто она вообще мне? Никто. Так, случайная знакомая. Которая, к тому же, влюблена непонятно в кого. Не в меня – уж точно! Развернулся и обратно пошагал. Но, пройдя три дома, остановился. Чего я как маленький! Чего боюсь-то? Сейчас приду и расскажу, что я не тот, за кого она меня приняла. Скажу, что уезжаю сегодня и вечером пусть не ждет.

Ну, конечно же, пусть не ждет... – что за глупость в голову лезет! – как она меня ждать-то будет, если я скажу, что уезжаю! Совсем растерялся что-то...

Но снова развернулся и уже быстрым шагом к Иринкиному дому подошел. В этот раз даже до второго этажа поднялся... И только руку к звонку потянул, как снова испугался и бегом из подъезда. Как мальчишка! Уже поворачивая за угол, услышал:

– Стойте! Стойте же! Куда вы? – это была бабушка, которая со второго этажа, вероятно, наблюдала за всеми моими

метаниями. Пришлось остановиться – куда денешься! – по-здоровался:

– Здравствуйте! А я вот думал зайти, Иринку предупредить, чтобы не ждала сегодня...

– Случилась чего?

– Да, по работе домой возвращаюсь, не могу иначе. Вот сказать об этом хотел... Дома она?

– Нет, только к обеду вернется. Жалко, расстроится теперь... Ну ничего, дело молодое. Переживет. Но вы, может, сами еще зайдете попрощаться?

– Не успею, у меня с автовокзала автобус в два... Привет ей, в общем, от меня.

И ушел. В этот раз – окончательно...

К полвторого, как запланировал, приехал на ялтинский автовокзал.

Здесь, наверное, круглый год кутерьма – кто-то приезжает, уезжает, кому-то о чем-то громко рассказывает, по телефону о впечатлениях хвалится... Как нигде здесь жизнь ключом бьет.

Мой автобус, Севастопольский проходящий, приехал по расписанию и уже ждал пассажиров на нижней платформе. Водителя я попросил свою сумку в багажное отделение положить, а сам у окна устроился.

Вот и все... Быстро мой отпуск прошел, глазом моргнуть не успел. Но, может быть, получится потом еще приехать?

И вдруг увидел Иринку...

Она была в голубом платье с какой-то разноцветной козынькой на шее. В руках держала мою белую шляпу... И глазами осматривала окна стоящих на платформе автобусов.

Меня искала.

Первым порывом было встать, выбежать ей навстречу и... Что «и»? Ну что бы я сделал? Обнял и сказал чего-то? Мол, вернись как-нибудь потом?.. Что буду помнить о ней?.. Зачем? Для чего я ее мучать стану! Обнадеживать! И себя тоже...

Поэтому отвернулся от окна и голову в плечи вжал. Струсил. Испугался... Ну скорей уже трогайся! Поехали!!!

Наконец, автобус как бы выдохнул, закрывающаяся дверь скрипнула. И только в эту секунду я снова решился посмотреть в окно... Иринка все также стояла на платформе и кулаком размазывала текущие по щекам слезы. Второй рукой она баюкала мою шляпу, прижимая ее к сердцу. И такая грусть была в её нежном облике!

Именно в это мгновение её глаза встретились с моими...

Тут же в них вспыхнуло счастье узнавания. Которое за секунду превратилось в невыразимое горе... Уезжает...

А я?.. Я робко улыбнулся и пожал плечами.

Всё.

И уже на повороте снова увидел ее силуэт: Иринка так и стояла в толстом слое привокзальной дорожной пыли...

Заливаясь горькими слезами и уткнувшись в мою белую плетеную шляпу...

Ругать себя я перестал примерно около Алушты – решил, что смысла в этом больше нет никакого. Не изменить уже ничего. Поэтому просто сидел, посматривая на мелькающие пейзажи Южного берега. Почему-то представилась наша новая встреча с Иринкой – когда я снова приеду в Ялту, то обязательно навещу её. Если осмелюсь, конечно...

И в эту секунду за окном что-то засвистело, какая-то машина вильнула, ударилась в отбойник справа вдоль обрыва, перевернулась, и только после этого я услышал крики...

Автобус, утрамбовывая пассажиров резким торможением, подался всем весом вперед и остановился. Первым на дорогу выскочил наш водитель, подбежал к перевернутым «жигулям» с шашечками, сам что-то начал делать – дверцу пробовал открыть, но все бестолку. Женщина, сидевшая через ряд от меня, закричала:

– Чего же вы сидите? Не видите – ему помощь нужна?!

Сбросив оцепенение, я тоже вышел на улицу и первое, что увидел – свою белую шляпу, которая лежала на дороге рядом с попавшим в аварию автомобилем...

Только сейчас она была испачкана кровью... А на заднем сиденье – скомканное, какое-то неестественно поломанное, голубое Иринкино платье...

Господи, откуда она здесь?! Или совпадение?

И никак не могу лицо разглядеть – слезы мешают. Вце-

пился в покоренный металл дверцы, тяну – ну давай же! Скорее! Ну!..

Откуда-то еще люди прибежали – кто с монтировкой, кто с огнетушителем. Орут:

– Берегись! Сейчас взорвется!

Кто-то в меня ногтями вцепился:

– Брось! – Оказалась та женщина из автобуса. – Сам спасайся!..

Оттолкнул ее и снова за ручку. Из багажника вдруг пламя под ноги выплеснулось, по асфальту потекло.

– Сейчас, сейчас, потерпи, – наконец-то дверца с невероятным скрежетом отошла от кузова и Иринка буквально выпала мне на руки.

Её лицо было залито кровью – только глаза смотрели на меня с невыносимой печалью. И болью. Но были в них и счастье, и нежность, и надежда... А когда я положил ее на асфальт, то понял, что смотрела Иринка не на меня, а в апрельское небо...

И именно в эту секунду рвануло...

На мгновение мы оказались в коконе из огня и жара. А затем вдруг стало очень тихо. И темно...

...В Крым я вернулся спустя почти полгода, в конце сентября.

Мы сидели на лавочке недалеко от той самой часовни и смотрели на вечернее море.

– Знаешь, Ирина, если бы я не стал тогда тебя обманы-

вать, то ничего бы этого и не было, ничего бы тогда не случилось...

Иринка посмотрела на меня очень внимательно – на её коже кое-где были видны следы ожогов, а причёска еще оставалась короткой как у мальчика – и вдруг улыбнулась:

– Нет, не ошиблась я...

И все рассказала.

Честно говоря, до сих пор, вспоминая ее историю, у меня мурашки на коже. Но каждое слово в ней – правда. Теперь-то я это знаю...

– В то лето я собиралась в первый класс пойти – страшно было, жуть! Не знаю почему... Наверное, первая самостоятельность всегда пугает. Но было и любопытно: что и как в этой школе. Нет, учиться я никогда не боялась. Но новые друзья, новые педагоги – ведь никто не скажет заранее – какими они окажутся. Мама с папой, конечно, настраивали как могли – говорили, что все хорошо будет, получится все. Ох и хитрющая я у них девчонка росла! В общем, согласилась больше не переживать, если к первому сентября мне самое красивое платье купят. Представляете, родители предложили мне его у хорошего портного сшить! Я была буквально на седьмом небе от счастья! И вот мы выбрали день, чтобы в соседнюю область – в Пензу – в какое-то швейное ателье поехать...

– Постой, Ирка, я же в Пензе как раз живу...

– Знаю...

...Так вот, это был замечательный субботний день начала августа. Всю дорогу из Саратова в Пензу мы строили планы – не только на первый класс и вообще учебу в школе, но и на всю мою дальнейшую жизнь. Ох, кем я только не мечтала быть в детстве – то гимнасткой, то воспитательницей в садике, затем – водителем большой машины. Папа постоянно смеялся, что, мол, институтов для дальнобойщиков еще не придумали. А мама спорила, что к тому времени, как я вырасту, их уже пруд пруди будет.

За несколько километров от вашего города все и произошло.

В ту секунду я чувствовала, что я – самый счастливый ребенок на свете. И была готова поделиться этим своим ощущением со всем миром – открыла окошко на заднем сиденье и ладошкой приветствовала все встречные на трассе машины. Ветер подхватывал и раздувал мои волосы прямо как у амазонки.

Вначале я услышала оглушающий рев клаксона. Затем – скрежет. А потом наступила невероятная тишина. Я все также продолжала скакать на своей лошадке по полю с ромашками, но голоса птиц и стрекот кузнечиков куда-то делся...

– Господи, я вспомнил... – в эту секунду поднявшийся из самой глубины моей души холод сковал все тело льдом. – Иринка, господи, я же помню...

– ...А через несколько мгновений стало темно. Я про-

должала скакать – или лететь – уже с сумасшедшей скоростью. Наверное, кричала – не помню. Только вокруг все равно не было ни звука. И вдруг в один момент я почувствовала на себе взгляд.

Это были только глаза. И ничего больше. Только большие и добрые глаза. Которые плакали. Слезы падали прямо на меня и с каждой слезинкой я как бы оживала – они были как живая вода что ли, потому что туда, куда они попадали, там я начинала чувствовать тепло. Я сразу поняла, что это мой ангел-хранитель, который пришел спасти меня. И вот уже я стала различать мелкие черточки на его лице, свет вокруг его головы и потом увидела огромные белые крылья за его плечами...

– Ирка, это был всего лишь мой белый халат...

– Нет, в ту секунду это были белые крылья ангела... Я запомнила вас на всю жизнь и верила, что когда-нибудь обязательно встречу своего ангела-хранителя еще раз...

Я уже не мог остановить слезы... Иринка погладила меня по руке – мол, не плачь, не надо, ведь сейчас, в данную секунду, все хорошо.

И только солнце, грустно улыбнувшись закатным лучом, спряталось где-то за Ливадией...

ЗА СЧАСТЬЕ!

Рассказ

Больше всего я не люблю слякоть. Это самое мерзкое время года – земля ещё не остыла и падающий на неё снег тает.

Превращаясь в жижу...

Ну вот чтобы ты не одел на ноги – все равно будешь насквозь!

Брр...

В это время появляется ощущение, что солнце улетает куда-то в другие звёздные системы, греть другие планеты. А на Земле наступает апокалипсис. Одно только и радуется – новый год.

Вообще, по моему убеждению, зима делится на два отрезка – доновогодний, то есть подготовительный, предпраздничный, и посленовогодний – застывший, стылый, но в предощущении весны. Будь моя воля, я бы зимой сделал только ну в лучшем случае месяц – пару недель на покупку мандаринов и подарков и ещё две – на доедание салатов. Этого вполне достаточно.

Но декабрь, как его не отталкивай и не отпихивай, все равно пришёл. Уже по традиции улицы окрасились в один единственный оттенок – серый. Странно, но в это время года

и люди тоже выбирают для одежды в основном цвета не яркие, не маркие. Возможно, чтобы слиться с этим всеобщим настроением затухания, стать незаметнее.

Но с наступлением предновогодних праздников мир вдруг расцветивается яркими огнями, сверкающими оттенками радуги и, как ни верти, дыхание нового года своё дело делает.

И в этом году не сильно жадный мэр разукрасил улицы гирляндами и картоновыми снеговиками, а магазины завалили свои полки мандаринами. На центральной городской площади появилась огромная ёлка, на звезду в макушке которой указывает зажатой в руке фуражкой памятник Ленину.

Все по отработанному плану из года в год.

Только у меня одного все наперекосяк – я до сих пор не определился с кем-таки буду праздновать. Конечно, можно было бы поехать к бывшей жене, но как-то не удобно что ли: там у неё её родители, жених, может, новый. А тут я... Ведь как говорят: новый год – новые надежды. А эта формула исключает старого и, тем более, бывшего мужа...

Но про новый год ещё говорят, что этот праздник – семейный. Точно! Поеду к маме. Тем более, для этого есть несколько причин. Самая главная – последний раз я с ней

отмечал новый год лет тридцать назад, ещё до армии. Во-вторых, у неё новый муж и познакомиться бы надо. Ну а в-третьих, она, наверное, очень такому сюрпризу обрадуется.

С этим ощущением умиротворения от того, что наконец определился и успел принять решение буквально за день до праздника, 31 декабря отправился за подарками...

Не знаю, как вы, но даже став относительно взрослым человеком, я по-прежнему не понимаю: почему весь мир дарит друг другу подарки на Рождество, но в нашей стране это принято делать на новый год? Может, потому, что к «нашему» Рождеству у граждан уже денег не остаётся... Как-то с опозданием в пару недель оно у нас наступает...

Хотя да, к нам пока доедешь...

По этой-то слякоти...

До ЦУМа час добирался. А там – народищу! Только зашёл в магазин и тут меня кто-то по плечу сзади стучит:

– Мужчина! Мужчина, вы где эту шапочку покупали? – совсем незнакомая молодая девушка в кроличьей шубе пальцем в перчатке мне в голову тычет.

Я даже растерялся, но на всякий случай рукой за разноцветный полоску с бумбоном головной убор взялся.

– В Узбекистане, – отвечаю.

– На Карпинского*? – продолжает допытываться «кроли-

чья шуба».

– Нет, на себя, – пытаюсь пошутить.

– Оч смешно, – и ушла. Ни улыбки, ни благодарности тебе.

Ну да, новогоднее настроение, как правило, потом приходит. А вначале надо еды купить, салатов сделать, рассчитать, чтобы и на подарки деньги остались. А ещё – наряд выбрать. Ох, голова кругом... Поэтому и пьют наши люди за новогодним столом – с устатка, мол, что все сделать успели, сварили, нарезали, накрыли.

Не знаю, какой юморист придумал, что во время боя курантов надо успеть написать на бумажке желание, потом её сжечь, затем высыпать пепел в бокал с шампанским и все это ещё и выпить, но этот алгоритм как ни что другое олицетворяет нашу привычку жить в предпраздничном цейтноте. И ведь успеваем! И не по одному разу!

Удивительно...

На втором этаже в отделе женской одежды нашёл-таки что запланировал купить заранее: большой пуховый платок. Ох, какая же это красота. Вот за что надо Нобелевскую премию давать – за изобретение таких вот нужных вещей. Я бы ещё и за изобретение кваса премию дал. Но это так, к слову.

Материному сожителю решил зажигалку хорошую купить – вещь для курящего человека – нужная. Только вот

не знаю – курит он или нет. Если нет, себе подарок оставлю. Поэтому выбирал зажигалку как для себя...

На первом этаже полтыщи потратил на красивые упаковки подарков с ленточками – праздник всё-таки. И вот настроение повысилось, радость появилась. От предощущения счастья дарения. Независимо от возраста и повода, подарки все любят. Но дарить их не менее приятно.

От ЦУМа до дома прогулянуться пешком решил. В городе всё-таки праздничной иллюминацией больше других центральные улицы украшают – лицо как никак. Это как та самая пэтэушница – глазки подвела, губки красненькой помадой намазала – и красивая. Вроде. Но это снаружи. А там, под пальтишком, гамаша и платок крест-накрест в них заправленный. Товар лицом, как говорится.

На центральной улице и жижи меньше. По той же причине.

Иду, витрины рассматриваю, пакет с рисунком Деда Мороза, в котором подарки, бережно, не размахивая, несу. Я и в детстве-то в новогодние чудеса не верил, а уж теперь и подавно. Говорят, что малыши способны что-то такое видеть, чего взрослому человеку видеть не дано. Например, домовых или тех же фей всяких вместе с Дедом Морозом. Не верю! Потому что сам малышом был, но ничего такого не припомню.

Хотя...

В общем, поэтому и к атрибутике новогодней отношусь, мягко говоря, с сомнением. А ряженных в нарядные махровые халаты Дедов Морозов всерьёз вообще не воспринимаю. Халтурщики и пьяницы. Вспомнил я про новогоднего волшебника, потому что навстречу целая колонна из них состоящая попалась – идут по улице, колокольчиками и рюмочками – уже тайком – звенят. Во главе процессии – самый нетрезвый – «йохохо» кричит. Какой леший меня дёрнул его поправить, не знаю:

– Уважаемый, – говорю, – «йохохо» кричат Санты, а не Морозы. Не вводите народ в заблуждение...

– А хохо не хохо? – поинтересовался в ответ Дед.

– Не хохо, – отвечаю.

Да уж, не хватало, чтобы мне стая пьяных Дедов Морозов под новый год наваляла. Вздохнул и собрался было дальше идти, но тут из их шеренги отделился один Дед и ко мне бежит. Думаю, все, нарвался. А он подбежал, обнял и давай по плечам хлопать:

– Здорово! Братец! Чего глаза вытаращил, не узнал что ли? – спрашивает весело.

Я уже внимательно в лицо под гримом посмотрел.

– Неа, – головой мотаю, – что-то не опознаю никак...

– Ха-ха-ха, – залился веселым смехом Мороз, – вот память! Ты мне в прошлом году лыжи по объявлению продал!

Вспомнил?

И с искренней такой надеждой мне в глаза заглядывает.

– А-а-а, – сделал вид, что вспоминаю, пытаюсь радость встречи улыбкой показать, – точно, вспомнил!

Да какой там... Я лыжи на продажу ещё в августе прошлого года выставил – мне без надобности, а выкидывать жалко. Да и палок у меня к ним не было. Естественно, что летом лыжи мало кому нужны. Но, помнится, прибежал один чудик в возрасте. В лыжном костюме... С лыжными палками и в специальных ботинках под крепления... Все под размер подогнал и, не торгуясь, купил хлам. В лицо, конечно, я его не запомнил.

Думаю, теперь выговаривать мне будет.

– Спасибо тебе, братец! Выручил ты меня тогда. Я на север уезжал и мне лыжи позарез нужны были, а кто их летом продавать-то станет. Хорошо, что такие вот чудачки, как ты, есть! Ну бывай!

Ещё раз хлопнул меня по плечу и побежал «собратьев» догонять.

– С наступающим новым годом... – донеслось уже изда-лека.

Вот как. Это, значит, я чудак. Нда... Но всё-таки улыбнулся. И дальше пошёл, по сторонам посматривая...

Знаете, а ведь улыбка – это некий символ сакральный. Все, кто улыбается, в ответ тепло получают. В виде душевного расположения или той же улыбки. Поэтому и дворни-

ку, который проход к моей улице, опираясь на огромную деревянную лопату, охранял, я, под воздействием настроения, тоже улыбнулся.

– Чего щеришься? – дворник смерил меня внимательным взглядом. – Новый год ещё не наступил, а уже наклюкаться успел...

И потом как-то по-доброму, завидуя:

– Везу-у-чий... Но ты, земляк, обойди вон там, – рукой на ряды гаражей махнул, – хрен его знает, когда эти сосульки посшибают...

Вон оно что. Голову поднял, смотрю, и правда – на козырьке крыши шебуршат лопатами. Ну что же, дело нужное. Развернулся и через дорогу, по слякоти, на противоположную сторону улицы, к гаражам пошёл – по-другому к дому не попасть никак.

А между гаражей тропу с прошлой зимы, наверное, от снега никто не чистил – по колено. Хотя, следы уже были – видно, не меня первого дворник развернул.

Иду в уме речь поздравительную новогоднюю складываю. Так, мол, и так, поздравляю, мама и папа или как там называть-то его лучше. Желаю счастья в личной жизни и гладкой семейной дороги...

– оги-и-и... – вдруг откуда-то послышался странный отголосок моих мыслей. Остановился. Прислушался. И снова, но уже громче:

– о-оги-и-и...

Всё, думаю, вот она, конечная станция. Приехали... Голо-са слышать начал. И тут буквально из ворот ближнего ко мне гаража, к которому как раз узкая полоска отпечатков ног ве-ла, отчётливо раздался женский голос:

– Помоогиии...

Я в сугроб с размаха, естественно, на помощь прыгнул.

– Кто здесь? – кричу, – Вам помощь нужна? Чего случи-лось-то?

Женский голос как бы из глубины, как в трехлитровую банку, отвечает:

– В по..реб за огу..цами,.. иху мать, залезла, люк зах-ло..нул, с..ка. Сижу, б..дь, два ч..са уже...

Вот, оказывается, как бывает.

Калитка в больших воротах гаража открытой оказалась, поддавалась легко. Машины внутри, кстати, не было. Голос из-под квадратной крышки погребя в углу пояснил, словно мыс-ли прочитав:

– Машину муж, кобель, при разводе забрал – пусть ездит, расшибется, может, – в этот раз все слова отчётливо полу-чились.

Пока я ручку на люке искал, голос поторопил:

– Чего чешешься-то?! Заснул там что ли?

– Сейчас, сейчас уже, – ответил, ощущая себя бурундуком Чипом из мультфильма.

Наконец, ручка в виде набалдашника из оргстекла на-шлась – неожиданно с краю оказалась. Только после двух

минут борьбы с ней, понял, что для того, чтобы люк открыть, ручку повернуть на 180 градусов надо. Механизм хитрый, стало быть.

Из темноты на меня подсвеченое гаражным полумраком очень милое женское лицо смотрело. Как показалось, с благодарностью и даже надеждой.

– Ну чего вылупился? – опустило лицо меня на землю. – Руку дай скорее! Продрогла здесь совсем...

Вот тебе и спасибо, бурундук. Но руку-таки вниз опустил.

– На, держись крепче, вытяну сейчас.

– На кой чёрт меня вытягивать-то? Я что, безногая что ли? – и банку с огурцами мне в ладонь сует. – Вынимай вот. Только смотри, чтобы аккуратно!

Так четыре банки солений всяких мне и передала.

– У вас свадьба что ли намечается? – спрашиваю. – Еды столько...

– Сразу видно, бобылем живёшь, – определила меня появившаяся из погреба женщина. Лет ей на вид примерно к сорока, роста не большого. И лицо на самом деле оказалось приятным. – Новогодние праздники-то вон какие длинные, гостей может много прийти. А что им есть, не с собой же нести! Наготовлю салатов, да и так – на закуску пойдёт, если кому надо будет.

В общем нагрузила она меня, добровольного, выходит, помощника, овощными заготовками, гараж закрыла амбарным замком и вместе мы в путь тронулись. Оказалось, что через

дом от меня живёт, соседка считай. По дороге про себя рассказала.

– Я-то уже два года как в разводе, одна всё... Дочь, правда, есть. Но она уже взрослая, живёт там с одним. Вроде ничего, получается. Ну и хорошо, что так – может, хоть ей в жизни повезёт...

Сама Светлана – по ходу пути представилась – в магазине администратором работает с шести до десяти – времени не то, что на личную жизнь не хватает, на жизнь вообще его нет. Так, что-то, урывками.

– И встречи-то любые – как перекур – будто сама у себя минуты краду. – говорит. – Вот и не получается ничего. И ни с кем... Сейчас наготовлю всякого разного, стол накрою, президента включу и ждать буду – может, хоть сегодня придёт кто...

Ох, несчастная, думаю. Одиночество ведь снизу, под самый корень точит, даже большие деревья, бывает, падают.

А что, я-то лучше что ли? Сам же ведь такой! Тоже один всё. Только я привык, наверное, уже к этому. Вот и не переживаю так. Зачерствел. Как горбушка хлебная.

– Сам-то, поди, в компании отмечать будешь? – спрашивает.

– Нет, к матери поеду. Не был давно... – зачем-то добавил. Будто оправдался.

– Ну а что! – вдруг воскликнула так, что я руки, в кото-

рых банки нес, чуть не расцепил, – Приходи! Вдвоём веселее будет!

И затараторила, словно отказ услышать боясь:

– Готовлю вкусно, еды много, даже коньяка бутылка есть, если хочешь, курица в духовке будет, холодец с чесноком, у меня хоть ёлки нет, но я ветки хвойные в вазу поставила и украсила шарами с гирляндой...

И посмотрела грустно так, с надеждой...

– Придёшь?..

Мы уже у её двери на втором этаже в подъезде были. Прежде, чем ответить, я солёности на пол поставил. Снова улыбнулся.

– Приду, – говорю, – жди...

И тут меня как молнией насквозь пронзило – пакет-то с подарками в гараже светланином оставил. Она моё лицо изменившееся увидела, спрашивает:

– Чего это с тобой? Как призрака увидел...

– Ё-моё – говорю, – я же к тебе с пакетом в гараж зашёл, а там подарки для мамы и мужа её. Которого никогда не видел...

– Ох, нашёл о чем переживать, – выдохнула Света, – иди домой, готовься. А вечером придёшь, твои подарки тебя здесь уже ждать будут – я попозже в гараж ещё пойду, возьму твой пакет, не переживай.

И, видя мои сомнения, добавила:

– А к маме твоей первого января ходим... Вместе, если

хочешь...

И так тепло почему-то на сердце стало – давно за меня решения никто не принимал. Приятно это – снова мальчишкой стать. Покраснел даже от удовольствия...

Головой кивнул – что-то сказать комок в горле помешал – посмотрел в её глаза растаявшие и вниз, на улицу пошёл.

Иду, свежему морозному воздуху радуюсь – ну ведь бывает так, чтобы ну прямо все, как пасьянс, сложилось! Может, это и есть то самое, новогоднее чудо?

Уже к своему подъезду с этими мечтаньями в голове пошёл и только в последнюю секунду крик того самого дворника услышал. Правда, так и не понял – о чём...

...Очнулся я в темноте. Голова по ощущениям была на тысячи частей расколота, боль адская. А тут ещё и дверь распахнулась, светом в глаза ударив – силуэт в белом халате вошёл.

– Ааа, очухался... – сказал силуэт девичьим тоненьким голоском. – Вот так вот ворон-то считать! Это вам повезло ещё, что так отделались, сотрясение всего. Некоторых вон... Ааа, чего уж, в рубашке вы родились...

Оказалось, что это медсестра. Говорит, что на меня сосулька с крыши упала, без переломов обошлось, но недельку полежать все равно придётся.

– И, кстати, – уже выходя, – через десять минут новый год. Так что с праздником вас, сосулечный!..

Господи, и такая грусть на меня навалилась, слёзы от жалости к себе на глаза наворачнулись – и ведь познакомился только, и к маме с её мужем поехать решил наконец... Обидно-то как!

И тут, бац! – снежок в окно врезался. Белый отпечаток от него на меня одним глазом через стекло смотрит, не мигая. И я застыл, не пойму – чего это происходит.

Бац! – ещё один снежок вторым уже глазом к окну прилип...

Батеньки мои, да ведь это в окно кто-то кидается!

Встал с кровати, пошатнулся, но удержался, два шага сделал, на подоконник облокотился и глазам своим не верю: внизу мама, Светлана, тот чудик Дед Мороз, который у меня лыжи летом купил, и даже девушка в кроличьей шубе, которая моей шапкой в ЦУМе интересовалась, стоят. И руками все мне машут!

Дед Мороз меня в окне увидел, вперёд вышел и скомандовал:

– Три, четыре!

– С новым годом! С новым годом... – хором закричали мне все присутствующие.

Я окно открыл, плачу, как маленький, носом хлюпаю.

– Вы как же здесь? Все-то?..

Мама первая ответила, мой пуховый платок на своих пле-

чах поправляя:

– Это Светочка всё организовала! Она как тебя не дождалась, к тебе сама пошла – твои подарки нам с Витей вернуть, – и на Деда Мороза показывает, – вот и узнала, что с тобой случилось... Потом через участкового нас нашла!

– Вот и правда – чудак! – подхватил Дед Мороз Витя, – Под новый год ведь угораздило!

И зажигалкой моей как на рок-концерте вверх светит:

– Спасибо тебе! – кричит, – Давно о такой мечтал, в походах вещь незаменимая...

А я на Светлану смотрю, ей спасибо сказать хочу. Но она меня опять опередила:

– Долго не стой на холоде! Слышишь? Простудишься! А ко мне вон дочка приехала, – и на ту самую девушку в кроличьей шубе показывает, – так что не переживай, мне не очень грустно будет. А там и ты поправишься, всё наладится...

Так и есть – всё наладится. Всё и у всех. Это ведь тоже предновогодняя традиция – счастливым быть...

МАРИНОЧКА

рассказ

Мариночка... Так её называют дети. Может, потому, что уколов она не делает, а чаще всего просто разговаривает. Улыбаясь, спрашивает о том, о сем, рисунки хвалит. Мол, вырастешь, твои картины в Лувре висеть будут... Ага, будут – всем понятно, что утешает, успокаивает. Ведь нас, детей в «раковом» отделении, врачи, среди прочего, должны надеждой обеспечивать. Как говорят, «на позитив настраивать»...

А какой здесь позитив? Не дураки уже большинство, знаем, – усатой санитаркой теткой Ольгой научены.

– Вона, – говорит, когда полы под кроватями моет, – слышите молоточки стучат? Энтю вам гробики сколачивают...

Вот и весь позитив. Да мы и без неё понимаем – каков конец будет. Но Мариночка все равно рассказывает о нашем будущем, фантазирует. Бывает, сядет на кровать и давай придумывать.

– У тебя, Славик, – это она мне, – семья большая будет. Трое, нет, четверо детей и жена красавица...

– Пусть, – говорю, – она врачом работает, ладно?

– Хорошо, пусть работает. Так вот, а ты известным следователем станешь, – это Мариночка мою страсть к книжным

детективам в реальность трансформирует. – Будешь трубку курить и все девчонки в тебя влюблены будут.

– Да кому я нужен-то, лысый, – и рукой на свой голый, как коленка, череп показываю.

– Это ерунда, Славик, волосы – не главное. Гораздо важнее что в душе у тебя...

Верно, душа важнее...

Мне 11 лет. В больнице год уже живу. Волосы не сразу выпали. Хотя, если честно, каким я с прической был – не помню совсем. Мама все реже приходит стала. Может, и хорошо, что так. А то придёт, сядет на табурет рядом и плачет. Аж самому тошно становится. И перегаром от неё пахнет. Тётка Ольга говорит, что сдалась, мол, мать, заживо отнесла меня, вот и пьёт. Поминает.

А отец уже месяца три не навещал. Мамка сказала, что в командировку уехал, не вернётся никак...

В палате нас четверо. Я самый старший. И старожил самый. Двое совсем мальцов – пяти и шести лет – под капельницами постоянно. А недавно новенького на мишкино место перевели, Олешкой зовут – лежит, хнычет всю дорогу. Больно, говорит. Я ему иногда свои витаминки сладкие даю, успокаивается. Но дружить он все равно не хочет – мол, не за чем. Хотя, смотрю, Мариночку с первых посещений полюбил. Да к ней и нельзя по-другому относиться. Самой ей бог детей

не дал и всю свою не истраченную любовь материнскую она нам отдаёт. И лечит.

Мариночка – врач.

Говорят, что здесь она несколько лет работает, из института сразу пришла. И ведь не зачерствела пока! Хотя сколько нас, славиков и мишек, уже проводить успела...

Так день за днём и проходят – в ожидании...

Сегодня Мариночкина смена. Жду, к шагам в коридоре прислушиваюсь. Вчера мне вставать наконец-то разрешили. Но далеко ходить все равно нельзя. Поэтому я у окна пристроился. Ах, как хорошо там! Самый красивый ноябрь в моей жизни! Деревья в больничном дворе утренний мороз снежными гирляндами украсил, из застывших веток фигуры сплел – можно хоть целый день разгадывать. А солнце оставшиеся листочки, словно струны, пальцами лучей перебирает – мелодию к зиме подбирает. Если ухо к стеклу плотнее прижать, то музыку услышать можно. Про жизнь она и про любовь...

Тут дверь распахнулась и я уже хотел радостно Мариночку поприветствовать, но это оказалась тётка Ольга. Ведром посередине палаты бряцнула и мокрую тряпку на пол шлепнула. Молча всё, без слов, даже на нас не глядя. И швабру длинную с плеча сняла. Ну вот вылитая та самая старуха. Только вместо косы – швабра.

Но я поздоровался.

– Здравсьте, тётъ Оль, – говорю. – А почему к нам Мариночка не идёт? Или смена не её?

– Её, её, – отвечает, – дурочки этой.

А сама тряпкой под одежкиной кроватью жмыхает.

– Не придёт сегодня, не ждите, – продолжает. – Сама заболела с вами, полутырками.

И тут швабру на пол бросила и руками всплеснула:

– Ну это же додуматься надо! Свои деньги на вас тратила! Вот дура-то!..

Только на третий день от другого врача мы узнали, что Мариночка на свою зарплату нам чего-то покупала: альбомы для рисования, книжки, фломастеры. И в прошлую зиму даже одеяла нам тёплые, стеганые, на все отделение сама сшила. А пальто себе зимнее купить не успела... Свалилась с воспалением, в другом корпусе теперь сама лежит. Тоже, наверное, в окно смотрит...

– Ага, щас, смотрит, – то ли ругается, то ли радуется тётка Ольга. – Присмерти она. Температура сорок. Лежит там бледная, зубами стучит под одеяльцем больничным. Себя бесполезно на вас променяла. Эээх...

Вон оно что...

План в голове за секунды возник.

Палата наша на втором этаже располагалась. Высоко в об-

щем-то, но страшно не было.

Конечно же, дождались ночи. Участвовать вчетвером решились, иначе не получилось бы ничего. Как только новенький дежурный врач обход сделал, пора стало.

Простыни связать – это полдела. Смочь вот, сидя-то на подоконнике, на морозе – это самое важное. Двух мальцов с собой решили не брать – в палате будут наше с Олежкой возвращение стеречь, чтобы обратно простыни скинуть. В общем, собрали мы в один тюк все одеяльца наши – у нас в палате и без них как в духовке – и первым его сбросили. Простыни я к ножке своей кровати привязал и за окно вылез.

Да что б тебя! – ветрище коготками сразу под пижаму забрался, в тело вцепился. Пожалел я, что только в тапочках больничных и в носочках лёгких, пальцы на ногах в миг одеревенели. Но отступать нельзя, там Мариночка из-за нас мучается.

От подоконника отцепился и кое-как, хилыми ручонками перебирая, как мотыль на леске, почти сорвался – спустился до низу. Пластмассовыми подошвами об асфальт хлопнул, думал, всю больницу разбуду. Обошлось вроде...

Олежке показываю – давай, мол, спускайся. Смотрю, карабкается. Эх, дурной, носки под тапки не одел даже. А штаны пижамные у него коротенькие, до середины голени. Вот замерзнет-то! Шепчу громко:

– А ну обратно лезь пока не спустился. Один справлюсь...

Может, так безопаснее будет, надежнее получится. Олежа обратно в палату закинулся – снизу видно, что нос синий от холода – и простыни за собой втянул, чтобы не заметил никто, окно закрыл сразу. Рукой через стекло показывает, мол, иди, я на «посту» буду.

Ну и хорошо. Тюк с одеялами за спину взвалил, крикнул по-взрослому, и пошёл к соседнему корпусу от фонарей прячаь.

Голова лысая жуть как замерзла, до самых мозгочков мороз добрался. Иду, шатаюсь, Мариночкой себя подбадриваю, мол, умрёт она без нашей-то помощи, позаботиться о ней, кроме нас, некому. В темноте бордюра не увидел, обоими коленями прямо об бетон ударился, брызги яркие из глаз высыпались. Но губу нижнюю прикусил, чтобы не закричать, не завывать от боли. Посидел немного, пока холод в позвоночник через пятую точку не проник, – дальше идти надо. Один тапок куда-то в темноту улетел. Руками пошарил – нет нигде. Ладно, думаю, ничего, и так дойду. А в одном-то шаркать не удобно – и второй тапочек бросил. Тюк снова за плечо – как картошку носят – забросил и дальше в путь отправился. Думаю, увидел бы меня сейчас кто, от смеха бы прямо на месте умер: идёт доходяга, метр тридцать ростом, мешок больше себя несёт, лысина инеем покрыта, и в одних носочках с дыркой на пятке. Умора... А вдобавок слёзы на щеках кристалликами от холода застыли.

Плакал от боли, конечно...

Палата Мариночкина на первом этаже была – мы все заранее вызнали – иначе не решились бы на эту ночную «операцию». Окно её ночником подсвечивалось – что внутри разглядеть можно. Я тюк с одеялами прямо под подоконник поставил и замороженными ступнями на него залез, чтобы выше было.

Вот она, Мариночка наша, лежит бледная лицом, как воск. Крупная испарина на лбу блестит и тяжело так, прерывисто, с надрывом, дышит. Моё сердце в комочек сжалось и к горлу поднялось. Жалко-то её как! Я, мы-то, ведь ладно, ясно с нами всё, нас много таких. А она – одна на всех. Всех нас любит, надежду даёт. Да и саму жизнь, может, даёт по второму кругу. Смотрю на неё через окно и слёзы кулаком по щекам размазываю, жалею самого близкого человека своего.

Но дело доделать надо. Постучался тихонько – нет реакции. Думаю, а что если без сознания вдруг? В детективе читал, вспомнилось, что нельзя в таких случаях человеку спать давать – не проснуться может. Вспомнил и испугался! И со всей силы в окно заледеневшими кулаками забарабанил с криком:

– Марина! Мариночка! Ты только не спи! Слышишь?! Не спи только!!!

А через рыдания слова уже в рев превратились. Но стучу по стеклу, только бы проснулась.

И тут, смотрю, глаза её затрепетали, приоткрылись. Посмотрела на меня и снова веки без сил опустились, только слеза по щеке скользнула – значит, увидела меня, значит – поняла. Жива, значит.

А в больничных коридорах уже свет загорелся, голоса громкие кругом. Дверь в Мариночкину палату распаивается и врач с медсестрой забегают. Только это и помню...

Говорят, что я сам от переохлаждения без сознания упал – хорошо мешок с одеялами был, на него прямо. Ноги сильно отморозил, долго ещё ничего не чувствовали, как деревяшки. Потом больно ужасно стало. Поэтому меня уже Олежка своими витаминками подкармливал.

Местной больничной легендой я стал, со всех отделений на меня посмотреть приходили. И кто чего только не рассказывал! Мол, меня к Мариночке в палату через её окно затащили. Вместе с одеялами теми. Говорят, что она меня к себе в кровать положила, отогревать. И что всю ночь сама на меня теплом своим дышала. В общем, вышло так, что спасла спасителя своего неудавшегося.

Сама она поправилась, конечно – не знаю точно: одеяла наши помогли или лечение. Но уже через месяц снова к нам пришла. С улыбкой и слезами. Рыцари, говорит, вы мои, сказочные...

Но сказка и в жизни случается.

Выздоровел я. Не сразу, конечно, пришлось в столице в каком-то Центре побывать – там ещё с полгода полечился. Как оказалось, помогло.

И только недавно узнал, что моё лечение больших денег стоило. Стал выяснять – следователем работаю всё-таки – кто оплатил. Думал, может, мать перед своей смертью или отец потерявшийся...

Оказалось, что Мариночка...

...Окно своё узнал сразу. Рука сама к голове так и оставшейся без волос поднялась. И сердце защемило что-то. Воспоминания хлынули. Опустился на лавочку осеннюю во дворе больничном – как и не уходил отсюда: все те же деревья голые, тот же запах щей из пищеблока и тишина... Будто время здесь специально в кисель превратилось, чтобы жизнь на подольше растянуть.

Из дверей корпуса силуэт в белом халате вышел – лица не рассмотрю никак, слёзы мешают, а смахнуть вроде стыдно – взрослый же. Только вблизи по улыбке понял: Мариночка...

С сединой уже, в очках на добрых и понимающих глазах. Остановилась, посмотрела внимательно.

– Ну, Славик, а ты говорил, что некрасивый вырастешь... А сам вон какой!

И улыбается сквозь слёзы...

А мне сказать бы хоть что-то, но не могу никак. Ладонь её

взял и лицом прижался, склонившись. А она меня по голове гладит, успокаивает:

– Не надо, Славик, не говори ничего. Хорошо же всё...

Да чего стесняться-то слез своих! Обнял её.

– Спасибо, – говорю, – и не только от себя...

И за больничный забор показываю. А там жена моя любящая платком слёзы вытирает, и двое сынишек – не поймут: чего это папка сопли на кулак наматывает.

– Все как обещали, – улыбаюсь, – так и случилось. Детей только двое пока, но это ведь дело – наживное...

С тех пор Марина Владимировна членом нашей семьи стала. Хотя, наверное, её семьёй я всегда был...

КЛУБНИКА С УСАМИ

Рассказ

Сразу скажу: садовод из меня еще тот. Из всего разнообразия овощей и фруктов на своей даче я могу только лук определить. И то – зачастую по вкусу... За всю свою садовую жизнь на участке я занимался исключительно приготовлением шашлыка и созерцанием природы. Моя жена – совсем другое дело. Та не то что виды и даже подвиды каждого растения на латинице знает, она им еще и имена дает.

– Вот это, – говорит, – Любаша...

– Аккуратней, – советую, – дикие мыши вредными могут быть. Тем более, у тебя уже есть дома питомец...

– Сам ты питомец! – Смеется. – Любаша – это свеколочка: такая же краснощекая и кудрявая... Крыжовника зовут Федором. В честь нашего дяди Феди из деревни – такой же колючий и вечно с кислым настроением. Яблонька – это Рада...

– Что-то она второй год нас не радует...

– Рада – потому что цыганочку напоминает: яркая, красивая и украшений много в урожайный, разумеется, год...

И так далее...

Ну а что, на даче супруге только и остается, что с насаждениями разговаривать – из меня собеседник там хреновый.

Ах, да, точно – как хрен растет, я тоже знаю. Однако дальше речь пойдет ни о нем. А о клубнике...

В конце апреля отправили меня в командировку в Сочи на пару дней. Замечу, что наша квартира к этому времени была похожа на дендрарий – жена еще с зимы насажала всякой рассады, которая, вероятно, в беседах с ней ощутимо подтянулась и стала занимать существенную часть пространства жилища, включая, собственно, и мои зоны комфорта. Если, к примеру, раньше я мог за обеденным столом расположиться с книжкой и даже ноутбуком для просмотра любимого сериала, то сейчас тарелку приходилось чуть ли не в руках держать... В моменты горькой обиды за это, обращаясь к зеленой поросли, я всегда про себя говорил: мол, ничего-ничего, когда осенью на столе вы уже в виде еды лежать будете, вот тогда и посмотрим – кто в доме хозяин.

Из рабочих поездок я всегда жене какие-то подарочки привожу. Вот и в этот раз спросил:

– Любимая, чего же привести тебе из «жемчужины» Черного моря?

– Цветочек аленький, батюшка, – моя супруга та еще сказочница. Хотя вы это и без меня уже поняли...

– Шучу, – зачем-то уточнила, – Знаешь что, привези-ка ты мне рассады клубничной – сезон вот-вот начнется, а у меня как раз в этом году грядка от министров отдыхает.

– Это еще кто?

– Репка...

– ..?

– Пузатенькие и выдернуть очень сложно.

– Аааа. Ладно, тебе какой-то особый сорт нужен?

Жена на минуточку задумалась.

– Да, – говорит, – Из ранних ты «Максима» купи, из поздних сортов – «Пегас» или «Лорд» подойдет. Если вдруг не найдешь, то бери «Ольвию», «Кимберли» и «Мальвину». Все понял?

Я кивнул утвердительно: мол, да, конечно же, понял... Как иначе.

...До Ростова, считай, полдороги, в купе один ехал. Ох, и выспался же я! Когда стану очень-преочень богатым, то обязательно куплю себе поезд и буду в нем свой отпуск проводить. И других таких же любителей путешествовать приглашать. Думаю, что от желающих подремать под перестук колес, под запах свежего белья и ароматы черного чая, отбоя не будет. Эту идею я в секрете держу – поэтому никому не рассказывайте...

Так вот, в Ростове дедушка ко мне сел – он в Туапсе к внукам ехал. Как назло, разговорчивый оказался – всю дорогу триндит о чем-то. При этом ему даже мои закрытые глаза и похрапывание не мешали. Однако в один из моментов, когда он начал про поспевшие кое-где в Краснодарском крае ягоды рассказывать, я прислушался.

– ...а знаешь ли ты, мил чулавек, почему ту же клубнику викторией зовут? Нет? Потому как она самая что ни на есть

девка! Ей же солнышко как слово ласковое – лучиком по щеке погладило, и разругмянилась сразу, сладкой стала, взаимностью ответила.

– Дедушка, а мне ведь жена заказала привести рассаду с мужскими именами...

– Бабы, чё с них взять, – вздохнул пожилой садовод. – Ты меня слухай: бери тока женщин, не прогадаешь, а благоверная еще и спасибо потом скажет.

И так авторитетно все это дед сказал, что сомнения как-то сами собой улетучились. В общем, запомнил я этот разговор, а полученные знания решил воплотить в жизнь.

...В Сочи приехал рано утром, в гостиницу заселился без проблем – туристический сезон еще не начался и свободных мест оказалось в достатке. Два дня занимался непосредственно рабочими делами. После обеда второго дня, когда все запланированное сделал, отправился на поиски клубничной рассады. Но, к моему сожалению, на местном рынке продавались только ягоды – рассадой же никто не торговал. Думаю, ну быть такого не может, чтобы не нашел я ее. К счастью, в интернете оказалось сразу несколько объявлений, предлагающих клубнику...

По первому же телефону ответил очень приятный женский голос:

– Спелая и сладкая клубника слушает вас.

– Здравствуйте, – говорю, – так уже сразу и сладкая...

А в зелени у вас есть?

– Да, у нас ассортимент на разные вкусы и предпочтения.

Есть и зеленая, и с перчинкой, если хотите.

– Нет, мне послаще, пожалуйста. А цены у вас какие?

– Стоимость зависит от времени и количества, но не дороже, чем в среднем по городу.

– Жена мне наказала Максима с Пегасом взять, и чтобы усы были. Но я все-таки больше к женским сортам склоняюсь. А вы что посоветуете?

– Ого, какая шалунишка ваша супруга... Есть, конечно, у нас и Максим, но он по женской части больше.

– В смысле рядом с ними на грядку высаживаете?

– Высаживаем, где клиент просит. А вам что, на природе надо?

– В общем-то да, но я бы хотел только его отросток купить.

– Юморист вы однако. Берите-ка вы женщин, пока свободные есть.

– Ладно, мне дед в поезде то же самое посоветовал...

Из женских имен мне жена про Кимберли и Мальвину говорила...

– Кимберли у нас отродясь не было, но Мальвина есть.

Вам на сколько и куда привезти?

Я, прежде, чем ответить, в кошелек залез, купюры пересчитал.

– У меня после командировки пять тысяч только осталось.

Давайте на все возьму.

– Хорошо. Вам куда?

– А доставка у вас что, бесплатная?

– Да, мы все делаем для удобства клиента.

– Вот молодцы! – Я искренне порадовался, что мне ехать никуда не придется, и адрес гостиницы назвал.

– Ждите, будем через полчаса...

И трубку повесила. Ну что, думаю, все как нельзя лучше складывается. Джинсовку одел и на улицу пошел, чтобы курьера встретить.

Пока на лавочке курил и насыщенным черноморскими ароматами воздухом дышал, время прошло незаметно. В положенный час ко входу элегантно подрулила дорогая иномарка, из которой вышла длинноногая красавица с сиреневого цвета волосами. Томно так, из-под огромных ресниц на меня посмотрела и ласково, облизнув губы, спросила:

– Клубничку вы заказывали?

– Я...

Случившийся дальше конфуз я запомню на всю оставшуюся жизнь! Когда я ей сказал, что давайте, мол, я прямо здесь получу, девушка вначале по сторонам посмотрела, затем уточнила:

– Ничего, что народу-то много, ведь белый день на дворе... Может, в номере лучше будет?

– Извините, но оставаться наедине с девушкой мне печать в паспорте запрещает.

– Так зачем же вы меня пригласили? – возмутилась кра-

савица.

– Лично вас я не приглашал никуда!

– Как не приглашал?

– Да вот так!

– Мальвину ведь вы заказывали?!!

– Я...

– Я и есть Мальвина!

Ёксель-моксель... Захотелось на месте через асфальт провалиться! Чтобы никогда и никто не нашел меня...

Хорошо, что та девушка с юмором оказалась – когда, от стыда заикаясь, объяснил все, вместе посмеялись...

На обратной дороге я улыбался постоянно – как представляю, что ко мне вместо Мальвины усатый Максим приехать мог – от смеха сдержаться до сих пор не могу.

Домой я, конечно, без клубники вернулся. Жене сказал, что нету её там, в Сочи, разобрали всю. Но теперь к ее садовым увлечениям отношусь с уважением – тоже виды растений изучаю. Ведь мало ли когда эти знания пригодиться могут...

ИСПЫТАНИЕ СНЕГОМ

рассказ

Эта история пронеслась по моей жизни вихрем – все разметала, разорвала и сдвинула с застоявшихся мест. А пересказывая её, я плачу...

Когда-то, давно, не помню от кого, я услышал, что в общественном транспорте других пассажиров рассматривают только приезжие. Лимита, так сказать. Поэтому, будучи коренным горожанином, глаза на других людей не тарашу и внимания ни на кого не обращаю – у каждого своя дорога, свои дела и проблемы. Своя жизнь.

Исходя из этого, и в свою душу мало кого пускаю. А зачем? Было ведь – наплюют и натопчут грязной обувкой. Отмываться потом долго приходится...

Может быть, поэтому и на бабушек в переходах не реагирую и передачи, где о благотворительности просят, переключаю – не верю я в беспомощность государства в таких вопросах...

Хотя, возможно, там, на «верхних этажах», просто руки до всех не доходят?

Но это ведь пока самого не коснется, пока сам не столкнёшься, пока не поймешь, что добро иногда возвращается...

Несмотря на то, что последняя неделя февраля порадовала оттепелью, весна приходит пока не собиралась – март выдался промозглым, со снегом, морозцем, не солнечным. Я, как и большинство моих знакомых, уже на масленицу часть зимних вещей по шкафам распихал. До следующей зимы. А тут... Вон как снова завьюжило. Но все думалось: последний зимний вздох, последний снег, последние узоры на окнах. Мол, шубу вынимать обратно незачем. Так ангину себе и заработал.

Поэтому и настроение ни к чертикам. Весны, тепла и всех сопутствующих предпочтений хочется, но... кукиш вместо них. В виде микстуры и таблеток.

В тот день после работы надо было как раз в аптеку за лекарствами зайти. В маршрутке не я один простуженный был – ещё пара таких же бедолаг, включая самого водителя, тоже кашляли. Ну что у нас за люди! Если болеешь, дома сиди, а не езди общественным транспортом, других не заражай! Нет же, как специально...

Я-то? Я – другое дело: у меня работа такая – присутствия требует.

Но не в этом дело...

В общем, вышел на своей остановке злой на весь мир. И даже на весну, которая в этом году решила задержаться на неизвестное время. Аптека по ходу дороги домой распо-

лагалась. По пути в хлебный зашёл – молока купил, решил перед сном с маслом вскипятить – говорят, помогает...

Прямо перед входом в аптеку с какой-то бабушкой столкнулся – стоит на крыльце и в квадрате света мелочь в ладони считает. Разумеется, все в снег рассыпала...

– Вы чего на пороге-то? – Накинулся я на пожилую женщину. – Проход загораживаете...

– Извини, сынок...

Только и ответила. А сама нагнулась и голыми руками в снежной жиже монетки ищет.

– Аккуратней надо быть! – Высказал и вовнутрь вошёл.

Передо мной два болезных человека в очереди были. Пока стоял, все на дверь поглядывал: может, та бабушка зайдет... Стыдно стало – на беззащитном человеке свое зло сорвал. А у меня мама примерно такого же возраста. Подумалось: а вдруг и с ней так же кто-то обойдется? Наглец такой же...

В общем купил что-то, якобы симптомы убирающее, и на улицу выскочил. Бабушки уже не было. И только в сторону дома пошел, как увидел силуэт немного в отдалении – она стояла под фонарем в самом начале сквера рядом с обледеневшей лавочкой.

– Вы извините меня, пожалуйста, – сказал подходя. – Это все простуда треклятая. И усталость после работы... Мне бы дома отлежаться. Нет же! Нельзя. Работать надо...

– Да что ты, сынок, я и не расстроилась... – Бабушка все также в ладони мелочь сжимала. – Дело молодое. Только вот

десять рублей закатились куда-то, не найду никак...

– Так вам какое лекарство-то надо? – спрашиваю. Думаю, а что, пойду и куплю ей! Возмещу, так сказать, ущерб.

– Да мне не таблетки нужны, – отвечает, – я в «хлебный» шла, поесть чего-то, может, купить. Там-то считать деньги не хочется, ведь вдруг не хватит – стыдно будет. Вот я у аптеки и встала. На свою беду...

Я сквозь землю, думал, провалюсь...

– Ладно, – говорю, – продукты, так продукты.

А сам повнимательней бабушку рассмотрел: в войлочных стареньких ботинках, промокших насквозь, пальтишко с короткими рукавами, без варежек – пальцы от холода краснющие – и в платке кое-каком. Сердце от жалости съёжилось...

– Так, бабуля, чего купить вам надо?

– Хлеба хотя бы. Я за ним и шла в магазин, – и объяснить начала. – Ты не подумай, у меня пенсия есть. Только вот кончилась, не рассчитала я маленько – дома кран прорвался, чуть соседей не затопила. Вот и пришлось оставшихся полтыщи сантехнику дать. Без воды-то жить не будешь... Экономлю как могу.

Я уже было в сторону магазина развернулся, бабушка меня за руку взяла.

– Сынок, ты одну буханку купи, а то у меня на большее денег-то уж точно не хватит...

Я только и смог что кивнуть...

Через десять минут вернулся. Она сидела на лавочке, на-

чавшийся снег с себя даже не стряхивая. На щеках – то ли снежинки, то ли слезы. Меня увидела, поднялась. С надеждой смотрит.

– Ну что, сынок, купил? – И мелочь свою на ладони протягивает.

Я ее руку аккуратно отвел и пакет с молоком, батоном и каталкой колбасы протягиваю.

– Вот, – говорю, – берите. И не надо мне ничего – деньги вам, может, потом пригодятся. А я не обеднею...

Улыбнулся и домой пошел. Но на душе все равно спокойствия не было, так как грустно это все. Больно. По дороге снова о маме подумал – мол, позвонить бы надо. А еще лучше – навестить, поговорить посидеть, время провести вместе. А то все на лету как-то, второпях.

В конце аллеи оглянулся – бабушка, прижав к груди пакет с продуктами, семенила через дорогу куда-то вглубь квартала, в темноту и разыгравшуюся выюгу...

Но жизнь – она ведь такая: свои хороводы кружит, свои коррективы в планы вносит. Недаром ведь поговорку придумали о том, что человек предполагает, а Бог располагает. Утром маме позвонил, как запланировал, но навестить все никак не получалось. Неделю вот уже...

И сегодня тоже набрал.

– Привет, ма. Как дела?

– Да нормально все, телевизор вот смотрю – сериал ка-

кой-то. – И добавила: – Скорей бы что ли зима прошла, а то к подъезду не выйдешь, с соседками не поговорить даже, а дома тоска одна...

– В выходные точно приеду, – пообещал. – Тебе купить, может, чего?

– Много ли мне надо... Сама в магазин схожу потихонечку. Так что просто приезжай...

– Обязательно, ма. Жди...

Субботний день погожим не был – все та же снежная слякоть и еще с ноября прижившаяся изморось. Из-под одеяла выбираться жуть как не хотелось. Но надо. Поймал себя на том, что как будто обязанность какую выполняю, клещами силы из себя вытягиваю. Чтобы к матери-то съездить...

Собрался кое-как. Жена в пищевые контейнеры «под шубой» положила – говорит, пусть порадуетя – и макарон пофлотски. Пока теплые. По дороге в магазин завернул – так, купил по мелочи: конфет шоколадных, курицу мороженую, кефира два пакета и пряников.

От кассы отошел и мамин номер по телефону набрал – может, чего еще купить попросит.

Телефон ответил долгими нудными гудками...

Бывает, думаю, задремала, наверное – погода-то вон какая пакостная: только спать и остается.

У подъезда действительно никого из соседок не было – по квартиркам, по каморкам все прячутся. Чтобы не забо-

леть. В лифте медикаментами пахло – словно в подтверждение моих мыслей.

Дверь в квартиру открытой оказалась. В коридоре натоптано и тоже – этот запах ни с чем не перепутаешь – лекарствами в нос ударило. А тут соседка по площадке окликнула.

– Игорек, ты?

– Я, – говорю, – кому же еще быть... А мама где?

А у самого сердце из груди готово вырваться. Соседка прежде, чем ответить, вздохнула тяжело.

– Все. Увезли ее... Полчаса как.

У меня пакеты с едой из рук выпали.

– Куда? – и к стене прислонился.

– Ой, прости, старую, – руками всплеснула. – Ты чего же подумал-то? Жива, конечно. Давление только вот высокое. «Скорую» вызвала, они и забрали – в четвертую горбольницу повезли. Говорят, что в таком возрасте лучше не рисковать, не оставаться без присмотра... А дверь не закрыла – тебя ждала...

– У меня же свои ключи есть...

– Мало ли, может, забыл. В общем, вот такие дела... –

И обратно в свою квартиру зашла, дверь аккуратно прикрыв.

А я в маминой остался. Смотрю, табуретка перед диваном – для доктора, наверное, – стоит. Какие-то старые рецепты и справки из больницы на столике разложены. Плиту и свет везде проверил – все было выключено. Сел в полумраке за кухонным столом – чего же делать... Мы ведь всегда

к такому не готовы, беда всегда ведь не вовремя приходит. Решил собрать необходимое для больницы – зубную пасту с щеткой, тарелку пластмассовую нашел, ложку и кружку. Два полотенца в пакет тоже положил. Халата, в котором дома ходила, не нашел – с собой, наверное, забрала. Из еды оставил пряники, кефир и конфеты – остальное, что можно передать, в больнице расскажут. Напоследок форточку в комнате немного открыл и к маме поехал.

В больницу за десять минут до окончания времени приема родственников пациентов успел. У дежурного врача о маме узнал – говорит, что в реанимации, мол, состояние стабильно тяжелое. Доктор даже номер своего телефона оставил – в положенные часы готов на любые вопросы ответить. Еды просил пока не привозить – потом, когда в палату переведут можно станет. А пока салфеток и воды побольше просил принести. И напоследок мой номер взял – мало ли что...

Пока я в магазин за необходимым сходил, пока в больницу вернулся, пока передал все это, сумерки наступили. Домой без настроения поехал. За окном автобуса все каким-то размытым было, серым, тоскливым. И люди-то в основном с опущенными головами идут, в жижу под ногами смотрят. Потому как вокруг не радуется уже ничего.

Вышел на своей остановке и понял, что даже жене не позвонил, не рассказал о том, что с мамой случилось. Телефон из кармана куртки вынул – на экране пропущенный звонок высветился. От врача из больницы. Сердце тут же зашлось.

У лавочки, где последний раз с незнакомой бабушкой разговаривал, остановился, и цифры набрал. Врач ответил после первого же гудка...

...И закружилось все – и лавочка обледеневшая, и сквер вечерний, и фонарь уже как-то сверху прямо в глаза светить начал. Затем и он погас. Только свое дыхание я чувствовал, которое паром от губ отрывалось и поднималось вверх. Все выше и выше. Будто душа улетала... Мама... Мамочка моя... К тебе лечу...

...Сынок... вставай, милый... открой глаза...

И вдруг тепло ладони на своей голове почувствовал. Мама...

Через мгновение все ярким стало, снова жизнь вокруг появилась. Прямо перед собой склонившееся лицо увидел – это была та самая бабушка, которой я мелочь на пороге аптеки рассыпал. Мою голову на свои колени положила и ладонью мой лоб от испарины вытирает... Тут уже люди какие-то подбежали, суета какая-то. Затем врачи появились.

Когда в «скорую» положили, один доктор другому сказал: – С того света бабуля мужика вынула. Если бы не она – его сейчас другая бы машина везла...

А я глаза открыть боюсь, чтобы не зарыдать. Хотя слезы итак по щекам ручейками бегут – ...словно снег растаявший, уносящий с собой прошлое и такую светлую улыбку самого

близкого на свете человека...

БОРОДА ИЗ ВАТЫ

Рассказ

«Здравствуй, Дедушка Мороз»... – именно на этой фразе мой сон был прерван будильником. Пора, брат, на работу – сказал я сам себе и выбрался из-под одеяла. До нового года оставалась всего неделя и эти предпраздничные дни ну никак для меня не ассоциировались с трудовыми буднями.

На сегодня, помимо всего прочего, я запланировал одно очень важное и ответственное дело: договориться с аниматорами в виде Снегурочки и Деда Мороза на посещение семьи, с которой я буду праздновать в новогоднюю ночь. Это, так сказать, станет моим сюрпризом для двух мальчишек шести и восьми лет. Их родителям – моим друзьям – я, разумеется, другие подарки приготовил: неделю назад Славику, главе семейства, купил электрическую бритву, о которой сам мечтал и мечтать продолжаю, а Ленке – его жене – духи.

В обеденный перерыв решил объявления посмотреть на компьютере. К моему изумлению, Дедов Морозов и Снегурочек, предлагающих свои услуги за деньги, было много, но, несмотря на очевидную конкуренцию, в ценах они все как будто сговорились. Поэтому набрал первый попавшийся номер.

– Аллё, можно ли заказать Деда Мороза в квартиру в новогоднюю ночь? – Спрашиваю.

– У вас, чё, только женская компания что ли будет?

– Нет, почему же? Взрослые разного пола и дети тоже есть...

– Аааа, ясненько. То есть, вам настоящие персонажи нужны?

Я даже растерялся немного.

– А какие еще бывают?

Прежде чем ответить, мужчина на том конце провода немного подумал.

– Ну не знаю... Разные. От вкуса зависит. Да и от потребностей тоже. Ладно, в общем, я понял – вам самые обычные Дед Мороз и Снегурочка требуются, верно?

– Верно. Самые обычные.

– Хорошо, сейчас пришлю номер карты, в ответ вы мне в комментарии к платежу адрес и время пришлете. Договорились?

Я успел подумать только о том, что, мол, вот как хорошо, что так быстро все организовать успел.

– По рукам.

В течении следующих пяти минут я выполнил все требуемые манипуляции и, после получения подтверждающего СМС о том, что «все понял, адрес такой-то, в 23.15 Дед Мороз и Снегурочка с 10-минутной программой будут», наконец-то выдохнул – какой же я все-таки молодец, что вот такой замечательный сюрприз придумал!

Тридцать первое декабря наступило как-то быстро. Прямо

с утра мне позвонил Славка.

– Старик, привет! С наступающим тебя! – Радостно кричит в трубку.

– Спасибо, друг! И тебя тоже с праздником. Ты чего это в такую рань?

– Я тебя предупредить хочу. Ленка в очередной раз задумала тебя с какой-то из своих одиноких подружек познакомиться. Короче, сюрприз сделать. В общем, будь готов как пионер, понял?

– Да уж...

– Ну бывай, до вечера! – И трубку повесил.

Новость, скажем так, не самая позитивная. Дело в том, что Славикова жена в картинной галерее работает и, соответственно, все её подружки из интеллигентной творческой сферы – уж больно заумные дамы в очках и поговорить мне с ними по большому счету не о чем. Кроме этого, уже три аналогичных попытки были. Все кончились полным крахом – больше пятнадцати минут мы друг друга выдержать не могли. А тут целая новогодняя ночь... Нда, грустная перспектива. Ну, думаю, под коньячок, может и сложится. В общем, выдохнул и решил, что в новый год чудеса все-таки случаются и, может, в этот раз тоже что-нибудь хорошее из всего этого склеится.

Ровно в десять вечера я позвонил в дверь своим друзьям. Открыл Славик, украшенный декоративными оленьими рогами и почему-то ярким боа, обмотанном вокруг шеи.

– Привет, дружище! Давай, проходи скорее, старый год проводить успеть надо.

Из комнаты доносились радостные крики детей и запах приготовленного в духовке гуся. Первым выбежал старший пацан мой тезка Игорек. Руку для пожатия по-взрослому протянул:

– С наступающим новым годом, дядя Игорь!

Я с улыбкой ответил:

– С наступающим, Игорек!

Затем и младший появился:

– Урра! Дядя Игорь пришёл! – И на руки ко мне с разбега бросился. На сердце сразу тепло стало – приятно, что в этом доме мне всегда рады.

Кроме, разумеется, того самого сюрприза в виде Деда Мороза с внучкой, я мальчишкам и настоящие подарки купил – два конструктора, коробки с которыми передал Славке для того, чтобы он их под ёлку положил. Его супруга, оценивающе меня осмотрела, затем поправила галстук, улыбнулась и только после этого чмокнула в щеку – мол, выглядишь вроде бы ничего, секретной «невесте» понравишься...

Когда сели за стол, я спросил шёпотом у друга:

– А чего же мы подружку Ленкину не дождались?

– У неё там дела какие-то, к полдвенадцатому или чуть позже приедет. Так что, давай, наливай скорее, нечего опоздавших ждать.

Славкина супруга наш разговор услышала.

– Так и знала, что не удержишься! – Высказала мужу. – Всё расскажешь! Ээх, такой сюрприз испортил... Хотя, я и сама догадаться могла: Игорь в галстук пришел, значит, понравиться хочет. Ну а так как нам с тобой ему нравится незачем, то, получается, для кого-то другого нарядился.

– Лен, слушай, ведь не обязательно для твоей подруги-то, – попытался я спорить. – Может, еще кто-нибудь придёт...

Сказал и язык прикусил, лицо к тарелке опустив.

– Так-так-так... – Ленка даже из-за стола встала и руки в бока уперла. – Это кто же?

– Джумж журснежур...

– Чего-чего?

Я оливье проглотил. На мальчишек посмотрел – они своими делами были заняты и нас не слушали.

– Так и быть – скажу. Ведь этот сюрприз не для вас, а для ваших пацанов. Я Деда Мороза со Снегурочкой заказал – в начале двенадцатого придут.

Славка заулыбался:

– Вот это молодец! Спасибо!

– Да, Игорь, и правда – спасибо! – Ленка тоже расслабилась. – Идея просто замечательная.

За проводами уходящего года, воспоминаниями всего хорошего, что в нем было, час пролетел незаметно. Минут за пять до назначенного времени прихода аниматоров, я почему-то стал волноваться. Еще через пару минут встал из-за

стола и направился в кухню, чтобы позвонить им. Ответили после третьего гудка.

– Ммдаа...

– Аллё, это Игорь, я вас на такой-то адрес на пятнадцать минут двенадцатого заказывал.

– Аммусмм...

– Чего?

– Скро бум... – И отключился. И в ту же секунду раздался дверной звонок. Весь ужас происходящего я понял не сразу, а только тогда, когда Славка, сорвавшись с места, и бросившись в прихожую, во все горло заорал:

– Дети, пойдёте скорее! Это сюрприз вам!

Перехватить его и сыновей я не успел.

На пороге стоял молодой человек, который двумя руками держался за косяк двери. Его красного цвета шуба Деда Мороза была расстегнута и открывала присутствующим исподнее в виде еле заметных трусов в стразах. Ватная бороденка съехала под подбородок, а все лицо аниматора украшали следы яркой помады от поцелуев.

В отличие от меня, Славка не сразу догадался – что происходит, и возвестил:

– Смотрите-ка, кто к нам пожаловал! Дедушка...

Молодой человек в это время разлепил глаза и навел резкость, после чего расплылся в пьяной улыбке:

– Ааа, детишки... А так же их родители... Потанцевать не титили?

Славка уточнил:

– Какие еще тити?

– Не титили тити, грю. – И тут Дед Мороз вдруг стихотворение про себя читать начал: – Здравствуй едушка мроз, брода из ваты! Ты подарки нам прнёс...

Славка опередил, и закончил фразу за него:

– Дегенерат горбатый!

И захлопнул дверь.

Я думал, что сквозь пол провалюсь! Товарищ и его жена смотрели на меня с укором. Однако неловкость сгладил их старший сын:

– Ну и ладно, с кем не бывает – тоже мне, Дед Мороз нашёлся. Наш сосед еще похлеще морозит, на ногах каждый день не стоит. Пойдемте лучше подарки распаковывать.

В общем, слава Богу, что так все произошло. Однако, это был еще не финал истории...

Минут через пять, когда сели за стол, сказали тост и стали закусывать, в дверь снова позвонили. На этот раз я первый поднялся.

– Давайте-ка я с ним сам разберусь, а вы посидите, – и направился в прихожую, думая, что это тот самый аниматор вернулся.

За дверью на этот раз оказалась одна Снегурочка, которая прямо с порога заявила:

– Мчалась к вам через снежные поля, через замерзшие леса, вместе с зайчиками прыгала...

Дослушивать я не стал:

– А теперь отсюда прыгай. Желательно – через ступеньку, чтобы ни тебя, ни твоего Дедушку я здесь больше не видел. Ясно?!

В довесок к словам, перед тем как дверь закрыть, еще и кулаком погрозил. Затем снова за стол вернулся. Славик на меня вопросительно посмотрел.

– Ошиблись квартирой, – говорю, и снова за вилку взялся. И тут Ленкин телефон зазвонил.

– Ой, это та самая моя подруга! Алле, Оля, ты где?

– ...

– За чьей дверью стоишь?

– ...

– Господи, правда? – И как зыркнет на меня. – Сейчас, Олечка, не уходи.

И в коридор направилась. Эти пару минут, пока из прихожей раздавались хлюпанья и успокаивающий Ленкин голос, мне хотелось под стол залезть и за скатертью спрятаться.

Славка меня по плечу похлопал:

– Да, брат, второй раз за ночь влип.

В комнату первой зашла хозяйка квартиры, следом – та самая, только заплаканная, Снегурочка.

– Вот, познакомься, – Елена нас представить решила, – Это мой муж Вячеслав, а это – его друг, любитель делать сюрпризы Игорь...

Я было оправдываться начал:

– Вы не подумайте, я ведь не специально, думал, что это снова...

Девушка наконец-то улыбнулась:

– Ой, я понимаю все, мне Лена рассказала уже. Я вот племянников поздравлять заезжала, переодеваться не стала, так в костюме и осталась. Ничего, я все понимаю...

В общем, тот новый год я запомнил. Всю ночь, чтобы как-то угодить Ольге, я ухаживал за ней, салаты в тарелку подкладывал, танцевал даже. Собственно, вот уже несколько лет мы танцевать продолжаем – через год после той истории поженились, а каждый новогодний праздник теперь с особым трепетом отмечаем, ведь именно он нас познакомил и соединил, любовь подарив. Разве не это – чудо?

КОЛЕНЬКИНА ЛЮБОВЬ

рассказ

Ненавижу май! Не пойму – чего в нем может быть хорошего? Чему все радуются-то? Как назло буквально все вокруг обнимаются и даже целуются. Ненавижу!

...Потому что меня никто не любит. Сажу один перед окном. Жду. Может, мать придет – хотя бы так покажет, что родная кровинушка для нее не совсем безразличной стала.

Хотя какая там мать? Ее же судом родительских прав лишили... Сколько я здесь, в детдоме-то? Считай, полгода уже... За все время только два раза была. И то для того, чтобы какие-то бумаги справить. Даже яблочко не принесла. Или конфеток. Может, конечно, денег нет, со своим очередным хахалем пропили все...

Ну вот неужели не тянет на сына одним глазком взглянуть? Мол, как я здесь, не обижает ли кто... Или, может, нужно чего...

Нет, теперь у нас пути разные, разошлись дороженьки. От этого грустно, плакать хочется. Ведь не справится она без меня. Не выживет...

А еще этот май проклятуший! Будто о новой жизни нашептывает. Ох, какая же короткая она у несчастного человека – моргнуть не успеешь, глядь, а его и нет уже. Как та че-

ремуха, которая во дворе нашего детдома растет – одна оди-нешенька, грустная, ветерок посильнее дунул, и слетела фа-та. И снова – не нужна никому до следующей весны, до сле-дующего мая...

Шаги в коридоре за дверью спальни комнаты мои мысли прервали как раз на том месте, с которого обычно я плакать начинал – так, потихонечку, пока нет никого, чтобы не ви-дел никто – как сейчас: все на занятиях в классе, а я здесь, больным сказался...

Дверь распахнулась, наша заведующая Ольга Лукьяновна, которую среди себя мы Олелукое зовем, зашла.

– Коленька, вот ты где. – говорит. – А я уже обыскалась тебя.

Подошла и ладонь к моему лбу прижала.

– Все хорошо? – посмотрела внимательно, – Температура есть?

– Нет у меня ничего, – из-под руки вывернулся. – Чего вы все привязались-то?!

– Коленька, я же волнуюсь, – Олелукое вздохнула. – Тем более, там приехали к тебе...

Меня как миной подбросило.

– Кто? Мамка? – и с подоконника вскочил.

Заведующая рукой по моим волосам провела, приглаживая.

– Пойдем, мой хороший, сейчас узнаешь.

К двери подошла, меня ждет. Я тапочки нашмыгнул, брю-

ки повыше подтянул, подумал: мол, ремень бы мне, а то совсем уже падают, похудел я что-то.

Ольга Лукьяновна меня пропустила и следом вышла, за руку, как маленького, взяла.

– Пойдем, а то ведь полчаса уже ждут...

– Да кто там?

– Коленька, я не могу сейчас сказать – кто они для тебя. Или кем они для тебя станут. Но ты не бойся, люди вроде хорошие.

– Какие еще люди?! – закричал я на весь коридор и руку вырвал. – Не нужен мне никто кроме мамки! Я только ее люблю!

Олелукое остановилась и строго так посмотрела.

– Коля, ты уже взрослый, тебе десять лет неделю как исполнилось. Поздравила тебя мама? Нет? Чего молчишь? Вот сам себе и ответь – а ты ей нужен? Она тебя любит?

Помолчала секунду.

– Так-то вот, Коленька... А ты говоришь... У тебя, может быть, новая жизнь начинается, счастье наконец-то появится.

И, видя, что я насупился, снова за руку взяла.

– Пойдём, мой хороший, хотя бы просто познакомишься, поговоришь.

Мы уже около двери ее кабинета были. Ольга Лукьяновна еще раз внимательно посмотрела на меня, оценивая, воротник рубашки поправила и постучалась тихонько. Я удивился:

– Вы чего к себе стучитесь-то? Вы же здесь, со мной стоите...

Олелукое улыбнулась даже:

– И правда... Видишь, как я волнуюсь за тебя...

Дверь открыла и меня легонько в спину подтолкнула – заходи, мол.

На фоне солнечного окна я увидел два силуэта – лиц вначале было не разглядеть: майские лучи глаза резали, слезами наполняя. Хотел поздороваться, но из-за комка в горле побоялся слова произнести, чтобы вдруг на девчачий писк не сорваться.

В угол кабинета, где большое зеркало висит, отошел. И тут себя увидел – весь как кулема какой-то: нескладный, худой, словно из разного конструктора собранный. Вдобавок лохматый – постричься давно пора. И глаза на бледном лице краснющие – наверное, на солнце насмотрелся. Ну не от слёз же...

– Вот, Коленька, знакомься, – Ольга Лукьяновна за свой стол прошла. – Это...

– Не надо, пожалуйста, – прервал ее приятный женский голос. – Мы сами...

Я от зеркала отвернулся и на женщину посмотрел. На первый взгляд она показалась вроде бы ничего, доброй, то есть, не злобной – лицо красивое, открытое, с осторожной улыбкой – видно, что волнуется. И глаза понравились – с нежностью и теплом смотрят.

Женщина встала со стула и рукой на плечо мужчины оперлась. Наверное, муж ее. Потому что похожи – я где-то читал, что если в семье все хорошо, то супруги внешнее сходство приобретают. Учительница литературы говорит, что любовь, как садовые ножницы, – все шероховатости срезает, чтобы в итоге идеальная красота получилась. Поэтому во всем мире влюбленные люди якобы друг на друга похожи и в одно лекало умещаются. По моему же мнению – все это ерунда. Вранье. Видел я этих влюбленных – ходят как дурачки, улыбаются непонятно чему, рты разявив. Мух ловят... Только этим и похожи.

Женщина ко мне подошла. Примерно в метре остановилась. Смотрит.

– Меня Еленой зовут, – говорит. – А это мой муж (ага, угадал, значит!) Михаил. Как тебя зовут – мы знаем. Мы с тобой познакомиться приехали, Коля...

И руку для пожатия протягивает. Ее ладонь оказалась мягкой и тёплой. Приятной... И запах от женщины был ненавязчивый – аромат цветочных духов переплетался с запахами чистоты и свежести. Мамка так никогда не пахла – вокруг нее всегда было облако табачного дыма. А иногда, когда в автопарке, где кондуктором работала, на ночные смены оставалась – бензином и водкой.

– Зачем? – спрашиваю.

– Что «зачем»? – не поняла Елена.

– Зачем я вам нужен? Что, других детей что ли мало?

Вон, недавно двоих совсем маленьких привезли – они-то вас за настоящих родителей считать станут. А я что? Я мамку люблю. И не важно – какая она. Другой все равно на будет!

Последние слова я уже Ольге Лукьяновне сказал. И из кабинета выбежал...

Больше месяца с той встречи прошло. Елена со своим «близнецом» мужем из головы не выходили – сироте доброе слово что пальто зимой – согревает. Думалось, зря я их обидел – люди-то вроде хорошие. Да и ни при чем они, не виноваты, что у меня жизнь вот так сложилась.

Мать так и не приезжала. Закрутилась, наверное, совсем, или забыла вовсе.

Предала...

Июнь выдался прохладным и пасмурным, с частыми дождями. Послеобеденный положенный по расписанию сон я не люблю – пустая трата времени. За нами, мальчишками, и не следил особо никто – так, пройдет воспитатель, или сама Олелукое, посчитает по головам, что не убежит никто, и целый час делай что душе угодно. Кто-то читает, кто-то и правда спит, а я вот в окно смотреть люблю. Сегодня решил посчитать сколько капелек дождя за три минуты на стекло падает. И всегда ли их количество одинаковое.

В четырнадцатом счете на девяносто шестой капле все и случилось...

Во двор детдома въехали две машины: одна наша – на этих «жигулях» завхоз иногда Ольгу Лукьяновну возит, другая – незнакомая белая «волжанка».

Первой из нее вышла та самая Елена...

Встала около дверцы, на окна смотрит...

Меня увидела, рукой помахала – мол, привет. Поймал себя на том, что улыбаюсь в ответ. Тоже поднял руку и ладонь к стеклу прижал.

Подумал, что сердце сейчас из груди выскочит: зачем опять приехали-то? Неужели ко мне? Или, может, кого другого выбрали?

С водительского места «Волги» муж Елены вышел – только сейчас я понял, что он на д'Артаньяна из русского кино про мушкетеров похож. И тоже меня поприветствовал. В это время Олелукое в здание зашла. Через минуту шаги в коридоре слышались. Все это время я не дышал.

Ждал.

Дверь открылась...

– Не спишь, Коленька? – заведущая подошла и, как обычно делала, волосы на моей голове пригладила. Вздохнула почему-то. – Собирайся, мой хороший, приехали за тобой...

А я и сказать ничего не могу. Вдруг слезы полились. А как же мамка-то теперь? С собой же взять ее не смогу.

Ладонью влагу по щекам размазал и тут Ольга Лукьяновна меня к себе притянула, а сама в мои волосы уткнулась –

слышу, тоже плачет...

– Как же ты там будешь, Коленька? – шепчет. – Если вдруг чего – ко мне приходи, я всегда помогу, выручу. Да и так просто пиши, о себе рассказывай...

Отстранилась, из кармашка кофты платок вынула – вначале мне глаза промокнула, потом себе.

– Ну все, мой хороший, пора...

Тумбочки у нас на двух человек были, так что вещей... в один пакет уместить можно: шахматы, которые мне еще в той, из старой жизни, школе подарили, книжка про подвиг одного летчика без ног, набор фломастеров, половина из которых уже кончились и так, кое-что из одежды по мелочи. В общем все в одну сумку с ремешком через плечо уместилось.

Когда вещи складывал, буквально все в спальняй комнате головы от подушек подняли, на меня смотрят – кто тоже со слезами, мол, везёт, семью нашёл, а кто просто так, от тоски по своим родителям или прошлому.

Ольга Лукьяновна в дверях стояла, не торопила. Когда я на кровать присел, ко мне снова подошла, рядом устроилась, за плечи обняла, вздохнула.

– Посидим, мой хороший, на дорожку...

Пока по коридорам детдома шёл, все каком-то размытым было, исчезающим. Сразу за дверью во двор меня Елена с супругом встретили. Михаил по плечу тихонько похлопал,

мол, держись, и сумку мою взял. На глазах Елены, смотрю, слезы поблескивают. Но и улыбка была – как бы подбадривала: все хорошо, переживать не нужно...

Ольга Лукьяновна к ней подошла.

– Вы уж берегите Коленьку... – говорит. – Он хороший...

Михаил в это время меня к задней дверце «Волги» подвел, вначале сумку внутрь положил.

– Ну что, братец, запрыгивай. Домой поедем...

Домой...

Через окошко увидел, как две женщины обнялись на прощание – обеим, наверное, поддержка нужна.

Елена вперед села, на меня оглянулась, посмотрела так внимательно, протяжно.

Наконец тронулись.

Назад глядеть не хотелось – боялся, что не сдержусь.

И только когда выехали за территорию, я поднял голову.

И вдруг увидел ее.

Мама...

Она медленно шла от видневшейся невдалеке остановки в сторону детдома. Ко мне шла...

– Мама! Мама!!! – заорал на всю мощь. – Мамочка!!! Ну стойте! Остановите же машину!!!

Михаил нажал на тормоз и «волжанка», подавшись вле-

рѐд, встала. Открыв дверцу, я выскочил из машины в еще не успевшую осесть пыль обочины.

Мама была в пяти метрах от меня и это расстояние я преодолел за секунду.

– Мамочка! – подбежал, обнял ее, в плечо уткнулся. – Ну где же ты была так долго? Ведь чуть не опоздала же! Ещё бы немного и меня увезли...

А сам плачу, остановиться никак не могу. Мама от меня отстранилась. Молчит. И тут она увидела Елену, которая тоже из машины вышла – растерянная смотрит на нас.

Моя мама к ней подошла. Тихонько так, слышу, говорит: – Вы, наверное, ему лучшей, чем я, матерью станете, – глаза опустила, в землю смотрит. – С вами он не пропадет... Привыкнет. А меня забудет. Ведь никчемная я, родила по случайности. Так что... ваш он теперь...

И дальше пошла, даже на меня не посмотрела.

Я было с места сорвался, за ней хотел бежать. Мама мой рев услышала, как будто только сейчас своего сына увидела.

– Уйди от меня! – закричала. – Чего привязался как пиявка? Вон, у тебя новые родители есть! А меня забудь! Слышишь? Забудь!!!

Что было дальше, я не помню. Наверное, память меня пожалела, стерла эти самые горькие в моей жизни минуты. Самые горькие слезы высушила.

Да и Елена с Михаилом помогли, поддержали через свою

любовь и заботу. От всего сердца за это благодарен им. Но маму я все равно продолжаю любить. Даже после её смерти – она через год после той истории от рака умерла...

Потом, спустя многие годы, в один из моих приездов в детдом, Ольга Лукьяновна рассказала мне, что мама все те слова специально сказала, чтобы мне легче было.

Чтобы забыл ее быстрее...

Рассказала, что она больше часа у нее в кабинете сидела, плакала, никак успокоиться не могла. Затем, когда вышла, по той самой дороге, по которой меня увезли, побежала.

Догнать хотела...

Но разве догонишь её, жизнь-то?

НЕВЕРОЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ на ОРЛИНЫХ СКАЛАХ

Рассказ

Поверить в описанную ниже историю будет сложно, но, тем не менее, случилось она на самом деле. И произошло это в тихом и прекрасном уголке нашей необъятной родины недалеко от замечательного городка с названием Хоста на берегу Чёрного моря, где мы с женой повстречали самого настоящего тигра! Который, вместо того, чтобы нас съесть, спас наши жизни...

Сейчас мне все больше кажется, что тогда многие из событий мной были додуманы – память, играя с разумом в перегонки, какие-то факты привела к логичному, приземленному пониманию. Поэтому излагать я их буду исключительно в хронологическом порядке.

А уж выводы о том, где правда, а где – нет, как говорится, делайте сами...

Итак, это была вторая половина сентября. И это был наш очередной с супругой отпуск. Уже традиционно для его проведения мы выбираем только из двух направлений – Крым или Краснодарский край. В виду того, что на полуострове

в этом году мы уже были, решили посетить Большой Сочи. Но в центральной его части цены на проживание – и не только – кусаются даже осенью. Поэтому выбор пал на Хосту. Кстати, забегаю вперёд, скажу – очень милый, душевный и по-семейному уютный город. И даже на пляжах просторно: как говорится, яблоку есть где упасть – нам, в общем, все понравилось.

Поселились тоже не плохо – недалеко от знакового места с символичным названием «Сквер влюблённых». На море ведь всегда так – какие-то чакры открываются и вдруг понимаешь, что любишь все и всех вокруг – куст странной конфигурации, на фоне которого хочется сфотографироваться; облезлую собаку с виляющим без повода хвостом, с которой с удовольствием делишься великолепно приготовленным шашлыком; щербатую бабулю, продающую под видом лайма незрелый зелёный лимон; и даже таксиста, который за двадцать километров дороги до Сочи слупил с тебя полторы тысячи... Все это – мелочи жизни, на которые в отпускной эйфории, обращать внимания не хочется.

...В один из дней, примерно через неделю после нашего приезда, когда саму Хосту и её достопримечательности, включая огромную территорию Тисо-Самшитовой рощи, мы изучили вдоль и поперёк, кто-то из местных жителей нам посоветовал съездить в рядом расположенную Мацесту – там,

мол, самый лучший бальнеологический курорт находится. Идея понравилась и мы тут же решили воплотить её в жизнь.

Посёлок оказался обычным – ничего из ряда вон выдающегося в нем нет, кроме, разумеется, того самого бальнеологического комплекса, в котором, как говорят, сероводородом лечились несколько российских императоров. Да, запах там буквально всюду соответствующий... Теперь стало ясно о чем шла речь в устойчивом выражении «дышите глубже – пролетаем Сочи»...

Хотя, и в этом тоже есть своя прелесть.

После осмотра комплекса, уже на остановке в обратную дорогу, черт меня что ли дёрнул спросить у водителя «маршрутки»:

– Дружище, неужели здесь и посмотреть больше нечего? А то возвращаться сюда уж точно не скоро захочется...

– Как нэчэго? – Громко возмутился водитель-кавказец в кепке капитана морского судна с якорем на кокарде. – Эсть! Канэчно, эсть! Орла видэл?

– Неа, – отвечаю, – не видел...

– Эээх! Вот турист, называется! – Водитель даже из кабины вышел, чтобы простора для жестикуляции стало больше. – Эээх, турист... Здэсь такие мэста, что не то что вернуться, уйти отсюда нэ сможешь!

Мы с женой каждое слово буквально ртом ловили – надо

сказать, заинтриговал нас, «маршрутчик».

– Так вот, вон там, – и в сторону леса показывает, – начнется дорога на Орлиные скалы, на которых стоят целых два памятника: Промэтэю и орлу, который его печень ел! Быть здесь и нэ быть на Орлиных скалах – мамой клянусь – стыдно...

– Далеко это? – Уже супруга в разговор включилась.

– Нэт, что ты! Минут двадцать-тридцать ароматами подышите, ножки разомнете. Вах, как хорошо будет!

Переглянулись мы с женой – ну что, мол, пойдём? В общем – решились. Тем более, что и время-то ещё не позднее – обеда даже нет – ну не обратно же ехать в конце концов, лишив себя удовольствия посмотреть сразу два памятника...

Дорога и впрямь сложной вначале не выглядела – местами даже асфальт просматривался. И пейзажи по пути настраивали на благодушное настроение.

Минут через двадцать пути стало ясно, что до финиша ещё очень далеко... Навстречу попалась группа велосипедистов в специальных шлемах.

– Ребята! Ребята! – Ещё издавлекa я закричал обращаясь к молодым людям. – Помогите, пожалуйста!

– Что случилось? – остановившись спросил самый старший из спортсменов.

– Мы, – говорю, – заблудились, наверное...

– Так идете-то куда?

– На Орлиные скалы... – К разговору жена подключилась. – Памятники смотреть...

– Нет, все правильно идете, не заблудились пока... Только вот, – велосипедист на наши ноги, обутые в сланцы, посмотрел, – ножки-то пока подниметесь, до колен сотрете. Километров десять ещё...

Вот так. Ну что же – подумалось, что «маршрутчик», говоря про «двадцать-тридцать» минут пути, имел в виду все-таки не пешую прогулку. Но не обратно же теперь возвращаться! Дальше пошли...

Именно с этого момента и начались странности...

За очередным поворотом открылась целая поляна эдельвейсов... Я, конечно, не силён в ботанике, но по книжкам знаю, что растёт он обычно высоко в горах. И совсем в других широтах.

Но как же это безумно красиво! Господи, от ароматов захватило дух.

– Слушай, – говорю я супруге, – давай посидим здесь, отдохнем. Да и несколько фоток сделаем на память... Только имей в виду, что рвать цветы нельзя – они вроде бы красно-книжные...

– Я и не собиралась, – отвечает, – разве можно такую красоту портить? Ведь с собой её забрать все равно не получится.

И растянулась на этом душистом ковре во весь рост.

– Ах, какое же это счастье на таком покрывале отдохнуть!

Цветочки словно шепчут что-то, переговариваются...

– Ага, – говорю, – наверное, благодарят и комплименты делают...

– Не романтик ты у меня, – вздохнула, – а ведь писателем называешься... Эээх...

Во время отдыха попробовал в телефоне карту местности посмотреть, но, к сожалению, мы находились «вне сети». Хотя, честно говоря, ощущение было противоположным. В буквальном смысле.

Минут через пятнадцать пошли дальше.

Дорога превратилась в неширокую тропу и поворотов на ней стало куда как больше. Деревья вокруг выглядели теперь гораздо толще и значительно выше. В общем, однозначно мы углублялись в местную чащобу.

А тут ещё показалось, что за нами кто-то наблюдает. Даже мурашки по спине побежали. Жена тоже самое почувствовала.

– Может, пока не совсем заблудились, обратно пойдём? – спрашивает.

Но разве я признаюсь в своём страхе – Боже упаси!

– Ни за что! – говорю, – Не дрейфь, Натаха, скоро придем уже!

А сам туда, в темноту леса смотрю. И тут – бац! – ветка громко треснула! И почти сразу седобородый мужичок

небольшого – метра полтора – роста с корзиной наполненной боровиками из-за дерева выходит.

– Доброго здоровьица, люди добрые, – поздоровался и даже поклонился в пояс. – Акцент какой-то странный у него был – не местный. Да и сам он кубанского жителя напоминал мало – одет в серую рубаху с поясом из веревки и в шаровары, заправленные в явно самошитые кожаные сапоги. – Куда путь держите?

– Ох, – говорю, – дедушка, ну и напугал ты нас... На Орлиные скалы идём. Только вот заблудились мы, наверное, немного. А навигатор не работает – сети нет...

– Да, сети зимой обычно ставят, – отвечает дед, – летом тоже бывает, но меньше – на птицу тока. На скалы, говоришь?...

И осмотрел очень внимательно, с прищуром.

– Тогда все правильно идете – в верх и в верх – все тропы туда ведут, не заблудитесь. Ежели по этой тропе пойдёте, то скоро развилку увидите. Так вот, налево или вправо не ходите – сгинете, не найдёт никто, прямо шагайте.

– Спасибо, дедушка, – жена из-за моей спины вышла, – А далеко ещё?

– Кто знает, кто знает... Конец у дороги для каждого ведь всегда разный бывает...

И снова в деревьях растворился.

– Видно не только белые грибы здесь растут, – попытался я пошутить чтобы разрядить обстановку.

– Посмотрим ещё какой ты старый будешь, – жена меня в плечо легонько толкнула. – Пойдём, Сусанин...

И снова в путь отправились.

И правда, ещё минут через десять развилка появилась. Только вот вместо положенных трёх ответвлений, на ней их четыре было: одна тропа резко влево вела, противоположная, соответственно, направо, ну а прямо с небольшим расхождением шли две дорожки. Причём, обе хоженные, не заросшие.

– Вот тебе раз, – говорю задумчиво.

– Вот тебе два, – супруга тоже была в недоумении. – В сказках, которые я помню, такого расклада не было. Теперь бы вот только понять – что это: две правых, одна прямая и одна левая тропинки? Или две левых, одна прямая и одна правая?

– А может – две прямых? Для равновесия шансов? – решил я поспорить.

– Ага, где ты его видел, равновесие это? Слушай-ка, – Наташкины глаза вспыхнули идеей, – а может быть надо вообще между двух прямых тропинок идти? Чтобы уж наверняка не сгинуть, как тот дед сказал?

– Нет, ты посмотри – там же лес сплошной, – не выйдет... – говорю. Хотя креативная мысль мне понравилась. – Я знаешь о чем сейчас подумал?

– О чём?

– О том, что мы с тобой как два взрослых болвана, которые решили вдруг в казаков-разбойников поиграть. Ты что, серьёзно в слова того чудака поверила?

– А ведь и правда, – жена улыбнулась даже, – мы как маленькие... Так по какой тропе идём?

...Нда...

– Пойдём по этой! – и на прямую справа киваю.

Сказано – сделано. Дальше пошли. Но облегчение от принятого решения все никак не приходило – сомнения продолжали терзать душу. Пейзаж больше не менялся. Но птичьего гомона стало больше. Возникло ощущение, что человек в этих местах бывает крайне редко.

Странное всё-таки местечко: белые грибы растут корзинами, староверы какие-то... И в подтверждение моих мыслей прямо посередине тропы рос мухомор с огромного размера – в полметра – шляпкой. Ну вот скажите: если бы здесь люди ходили, неужели кто-то из них не удержался бы и не пнул по пятнистой шапке, мешающей проходу? Вряд ли...

– Наташ, что-то не то происходит. Не кажется?

– Давно уже кажется – как будто мы перенеслись куда... Может, в прошлое?

– Нет, – говорю, видя улыбку на лице супруги, которая меня уже разыграла пару дней назад с «саблезубым» енотом, – второй раз этот номер не пройдёт!..

...На днях мы ходили в заповедник Тисо-Самшитовая роща в Хосте. Там все очень мило обустроено – среди сохранившейся дикой природы и реликтовых растений есть целая сеть благоустроенных дорожек, по обочинам которых периодически попадаются таблички с разъясняющими надписями. Как раз на одной из них значилась информация о некоем рыжем «саблезубом еноте», жившем в этих краях несколько тысячелетий назад. И вот только я представил себе это существо с большими клыками, как супруга буквально закричала в ухо «спасайся кто может!» показывая на нечто рыжее и лохматое, сидевшее посередине дорожки... Естественно, что мозг сопоставил только что полученную информацию с неизвестным живым существом рыжего окраса и дал ногам команду к бегству. Что, собственно, я и сделал – улепетывал, как потом жена сказала, словно Борзаковский, перепрыгивая препятствия. Бежал, впрочем, не долго... Пока не понял, что супруга заливается веселым смехом... Дааа, никогда до этого я от котов не бегал. Смешно, в общем, получилось...

...И в этот раз я уловил в её голосе нотки юмора. Сам себя устыдился – десантник ста килограммов веса, а мухомора испугался. И со всего маха как шлепнул его ногой по красной маковке!

– Вот тебе, зараза!

– Ты чего? – жена удивилась даже.

И правда – чего это я? Но напряжение внутри несколько спало.

И вдруг журчащий шум воды послышался.

– Спасение! – закричал я, – Теперь точно не потеряемся! Ведь все реки в море впадают! Урра!

Но это оказалась, к сожалению, не речка, а небольшой ручеек, который образовывался из родника, бьющего из под огромной сосны, гордо стоящей примерно метрах в пятнадцати выше по течению.

Ну и это в нашем положении было тоже не плохо – пить хотелось уже довольно сильно. Первый я к роднику нагнулся.

– Ах, Наташа, какая вода вкусная! – нахваливаю живительную влагу. – Её вот прямо так можно в бутылки разливать и продавать – от покупателей отбоя не будет...

В лицо побрызгал и место для водопоя жене уступил. Потянулся с хрустом в суставах и стал местность осматривать.

И тут слышу сзади себя, где супруга присела, звуки громкого чавканья.

– Наташа, мы хоть и на природе, где нет никого, – говорю, – но этикет никто не отменял...

И поворачиваюсь в это время. Батюшки мои... А напротив жены, на противоположной стороне ручья, сидит огромный тигр. И тоже воду лакает – звуки, на которые я внимание обратил, от него происходили! Жена как каменная стала, не моргнет даже, только зрачками вращает. Как я свои шорты в тот момент не испортил – одному богу известно.

– Тише, – шепчу жене, – только не делай резких движений: я в кино про Маугли видел, что во время водопоя у зверей перемирие наступает, не едят они друг друга...

– Успокоил, – в ответ шепчет, – спасибо...

Тигр в это время морду от воды оторвал и внимательно так, взвешивая, на меня посмотрел. Да, думаю, выгляжу я гораздо аппетитнее супруги – поэтому надо бы к воде присесть, сделать вид, что тоже на водопой пришёл – авось не тронет...

И медленно, стараясь не смотреть тигру в глаза, приблизился к роднику и на колени рядом с женой присел. Морду, пардон, лицо к воде опустил и стал делать вид, что пью, языком влагу зачерпывая. Тигр в недоумении даже бровь приподнял. Затем морду пониже к земле опустил – наверное, чтобы проверить и убедиться: правда ли я так пью или дразнюсь только... Понаблюдав за мной с полминуты, он издал непонятный звук, похожий на короткий смешок, и по-кошачьи выгнул свою могучую спину. При этом тигр выпустил когти и почти в метре от моего лица поскрябал ими землю. Выражение его морды при этом показалось очень довольным и сытым.

– Наталья, кажется нам повезло, – снова шепчу супруге, – по-моему, он поел недавно. Сейчас медленно встаем и, не поворачиваясь к нему спиной, уходим. Только не вздумай бежать – обязательно догонит.

Рукой ладонь жены нащупал, сжал немного для поддержки, и стал распрямляться. Тигр тоже прямо сел – хвостом

себя вокруг лап обвил, смотрит – что дальше будет. И только мы малюсенький шагок назад сделали, как в один прыжок он очутился перед нами. При этом лапой тигр очень сильно толкнул меня в грудь, отчего я кубарем полетел на землю. Устоявшая жена не выдержала и закричала:

– А ну брысь, кот проклятый! А то хвост сейчас откручу! – для пущей убедительности даже зашипела. Тигр, надо сказать, не меньше моего такой агрессии удивился. И решил, вероятно, не искушать грозную фурию в обличии моей супруги – лёг рядом со мной на землю и – вы не поверите, друзья! – своим огромным языком провёл по моему лицу! После этого перевернулся на спину и засучил лапами в воздухе, подставляя мне своё брюхо – мол, чего глаза вытарачил, почеси скорее. А что мне оставалась делать? За поцелуй платить надо – поэтому аккуратно провёл пальцами по мягкой шерсти от самого тигриного подбородка до окончания могучей грудной клетки. И притих, жду реакции. И, о чудо, она последовала в виде мурлыканья!

В это время, видимо, желая закрепить успех, супруга опустилась рядом и погрозила тигру пальцем:

– Вот и умница. И смотри у меня – чтобы больше ни-ни!...

А у самой рука потянулась «котёнка» погладить – разве можно против такого искушения устоять? Нет, конечно!

Через пару минут мы уже втроём катались по ещё сочной густой траве, среди которой изредка проглядывали сиреневые головки душистого клевера. При этом вдруг я поймал се-

бя на том, что слышу радостный смех жены! И тут выдохнул, расслабился, и пришло ощущение непередаваемого счастья!

Мы кувыркались на полянке, оказываясь то сверху тигра, то под ним. Смеялись уже в голос – от лёгких прикусываний тигром открытых частей тела было щекотно. Да и сам он, похоже, всеобщему веселью радовался.

Примерно двадцать минут мы играли, носились по поляне, кувыркались и хохотали, после чего без сил втроём разлеглись на траве, глядя в невероятной глубины синее небо...

...Проснулся я от того, что кто-то меня толкает в плечо. Открыв глаза прямо перед своим лицом я увидел тигра, который очень внимательно за мной следил. Поняв, что я окончательно проснулся, тигр повернулся к моей жене и легонько положил лапу на её голову. Надо отдать ей должное – проснувшись, она вообще не испугалась, а, наоборот, приподнявшись, обняла тигра за шею и почесала за ухом.

Я в это время встал на ноги и вдруг осознал, что солнышка на небосводе уже не видно – день близился к вечеру. Конечно же, оставаться здесь на ночь – риск невероятный. Ведь, наверняка, не все местные животные здесь одинаково добродушные...

– Натаха, – говорю, – боюсь, до темна нам спуститься вряд ли удастся. Так что давай-ка торопиться, пока насовсем здесь не застряли...

Через минуту мы были готовы отправиться в обратный путь. И бог с ними, с этими двумя памятниками – когда вон какое чудо по дороге случилось...

Наташка перед тигром на колени присела, обняла.

– До свидания, котик. Береги себя...

Тигр повёл себя странно – морду от поцелуя отвернул, будто прощаться не собирается. И правда: обошел нас и встал передом к тропе, по которой мы сюда пришли. При этом хвост вытянул – на, мол, держи, чтобы не потерялись. Я так и сделал: за полосатую конечность взялся, а жена мне руку на плечо положила. Так и пошли цепочкой: тигр, я и супруга. Замечу, что, как оказалось, предосторожность лишней не была – как только мы обратно в чащобу зашли, тут же темно стало, хоть глаз выколи.

Не знаю сколько шли – с полчаса, может быть. В один момент тигриный хвост из моей руки выскользнул и я понял, что мы с женой остались одни.

– Ушёл? Да? – спросила с грустью супруга.

– Ушёл...

И так почему-то тоскливо стало... Как друга потерял.

Но делать нечего, продолжать движение надо. Для этого я фонарик на телефоне включил и буквально тут же увидел просвет в лесу. Это оказался выход на дорогу, почти к самому её началу у Мацесты.

Через десять минут мы были на остановке, а ещё через

полчаса – в своём номере гостиницы...

Само собой, я пытался позже выяснить: откуда в этих краях взялся тигр, но конкретного так ничего и не прояснил – версий было несколько. Кто-то говорил, что именно в тот год он сбежал из какого-то зоопарка и затерялся в лесах, другие говорили, что мы с женой очутились в очень далёком прошлом, провалившись во время, в котором в этой местности ещё жили тигры, третьи – что нам все это просто приснилось.

Нет, друзья, не приснилось! Все это было на самом деле – и подтверждением являются фотографии, которые я держу в руках, дописывая последние строки...

Но история на этом не закончилась. Проснувшись утром, разумеется, мы снова отправились в Мацесту – решили найти тигра и то волшебное место, где накануне были. Но не смогли...

Зато таки вышли к Орлиным скалам, с высоты которых, с самого края невероятной глубины пропасти, долго смотрели вниз – на верхушки высоких деревьев, на необъятные просторы пологих склонов и долин, выискивая среди них желто-черную тень нашего нового друга...

ДУРЁХА

Рассказ

Она лежала на дороге. Девчонка лет десяти в скомканном белом платице – грязном и вымокшем от дорожной влаги после дождя. И пристально смотрела в одну точку своими большущими голубыми глазами.

И вдруг моргнула!

Из-за этого пружина внутри меня взбрыкнула и я заорал на всю мощь своих легких:

– А ну встань, дуреха! – бросил пакет с продуктами и к ней бегом.

А на повороте уже грузовик видно, затормозить с горки вряд ли успеет. Девчонка засмеялась звонко и ну бежать, только сандалии сверкают. Ну что за глупые дети!

Уже на газоне, за обочиной, вдруг споткнулась и в лужу со всего маху! Сидит в грязной жиже, смеется...

Грузовик протянуло мимо, выдохнул. Уже не спеша подошел, спрашиваю:

– Ну что за развлечение такое? Вот сейчас за ухо возьму и к родителям-то отведу...

– Нету, – говорит, – родителей, дяденька, умерли. Детдомовская я.

А сама на мой пакет рваный с едой смотрит, слюни глота-

ет. Есть хочет.

Отломил ей полбуханки и колбасы дал крендель – на, ешь.

– Так на дороге-то чего делала?

– Шушала... – рот набила, не разберешь

– Чего?

– Землю слушала! Я в книжке прочитала, что если к земле прилечь, то можно даже тех услышать, кто в ней давно живет... А на дороге звуков больше. Только не разобрать ничего...

Так и познакомился с Аленкой. По дороге в детский дом, который в нашем районе, рассказала, что живёт там три года. Самой восемь «стукнуло» – взрослая, говорит, уже. Родители в аварии как раз три года назад погибли. На дороге... Бабка воспитывала. Но год назад инсульт случился, самой уход нужен. Вот и забрали органы опеки.

Пока шли, ещё и молока пакет выпила. Идёт, зевает, путешественница. Только ко входу подошли, смотрю, навстречу женщина растрепанная бежит:

– Ах ты, гадина, – приговаривает и ладонью себя по ляжке хлопает, – объявилась... Полдня ищем, все ходули по самую шею стёрли!

Алёнка к моей ноге прижалась, шепчет:

– Не отдавай меня, дяденька... бить будет... – и смотрит щенком снизу.

Не бойся, не позволю.

– Дитё, – говорю, – не пугайте, тон-то убавьте. И следить лучше надо.

– Да какой там, следить! Уследишь за ней, ягзой! Раз в неделю, как по часикам, дырочку находит. Глядь, и нет Алёнки, опять убежала. Самостоятельная...

Тётя Зина не злой оказалась – переживает сильно. Говорит, что их, работников в детдоме, осталось раз два и обчелся. На любви к детям держатся. А бить? Только ладошкой по пятой точке не сильно, для острастки.

В общем, передал я Алёнку из рук в руки. Пакет с остатками еды вручил напоследок.

– Ну все, дуреха, не убегай больше, послушной расти.

И пошёл к выходу.

На калитке оглянулся. И зря...

Алёнка с крыльца сорвалась, подбегает и в руки ко мне с разбега!

– Я спасибо сказать забыла...

Комочек в горле слезами тает, плачет... Понимает, наверное, уже, что чудес на свете не бывает...

...Ох, ну ведь знаю же, что – простите за сравнение – нельзя котёнка или щеночка в руки брать. Ведь не оторвешь от сердца потом! И здесь – в секунду заноза в душе появилась, не вынуть!

...Так и вышло, стал я в детдом к Алёнке ходить. Не часто, как получится. Гостинцев по мелочи приносил, пирожков от жены и суп в баночке, которым она меня на работу

снабжала.. А Алёнка меня все батон с кренделем колбасы купить просила – уж больно вкусные первый раз тогда показались.

Тётя Зина за эти полгода мне все про дурёху рассказала. Дважды ей семью подбирали. И вроде люди добрые, хорошие, но все равно и от них бегала. Все родителей забыть не может. Погибли они глупо – отец Аленкин жене руль доверил когда с дачи возвращались. В откос слетели. Насмерть. Малышка тогда между сидений упала, уцелела – царапинами отделалась. Но с тех пор по средам, в день, когда беда случилась, ходит родителей из земли слушать...

И ничего с этим не поделаешь. Пока не вырастет, пока не поймёт, что не бывает голосов оттуда.

Горе, это, конечно, для детской души. Как справляется, не известно. Может, говорит тётя Зина, и пусть ходит, к земле прикладывается, все отдушина какая-то...

Вот так, незаметно, осень слетела, зима схлынула. Весна... К Алёнке я привык как к родной. И пусть не кровинушка, но в душе моей она свой уголок заняла прочно. Уже и планы вместе строим – мол, вырастет, помогу поступить на учителя, а дальше – больше. Но – видно будет.

Не поверите, мы с женой стали всерьёз думать о том самом очень ответственном шаге... Но ведь у самих уже дети взрослые, внуки на подходе. Да и страшно, если честно.

Уехал в начале апреля в командировку на неделю. Думал, вернусь, точку поставим. Положительную. Этой радо-

стью своего решения и жил в отъезде, время торопил. Впереди новая жизнь ждала, счастье новое в виде глаз голубых.

За день до возвращения, в среду, вдруг сердце зашло без причины. От волнения, наверное. Не спал следующую ночь, места себе найти не мог, метался.

Утром домой позвонил...

Не могу рассказывать дальше, слёзы мешают.

Тётя Зина потом скажет, что Алёнка в этот раз сама отпросилась с родителями поговорить, мол, простаться с ними пошла, о новой семье рассказать, порадовать... И ведь вроде не далеко, на соседнюю улицу. На дорогу.

Малютка несчастная.

Хоронили мы с женой и пара воспитателей из детдома. Тётя Зина громко в голос плакала. Простились...

Когда все отошли, я задержался у холмика.

– Прости, – говорю, – виноват я...

И приложился щекой к могилке, к земле мокрой, – может, ответит...

А слёзы, с весенним ручьем мешаясь, мою тоску на весь мир понесли. И тут поднял глаза и вижу Аленкино платяшишко белое рядом – оказалось, что это белый платок на кресте кто-то оставил. Трепещет на ветру, словно ладошкой машет.

...Простила, значит...

ОТРАЖЕНИЕ

Рассказ

Эта история случилась со мной, когда мне было одиннадцать лет, – я только-только перешёл в пятый класс. Время было ещё советское, в магазинах на самом деле мало чего можно было купить. В основном вкусности и хорошие вещи доставали по благу, через знакомых. Нет, были иногда деликатесы и в магазинах. Например, я хорошо помню креветочное масло в рыбном отделе гастронома – сейчас днём с огнём такой вкуснятины не найдёшь. Или бананы. Тогда они хоть и зелёные, как огурцы, продавались, но ведь купить их можно было почти без очереди!

Замечу, что мальчиком я был достаточно предприимчивым. В то время про таких вообще говорили: умеет «вертеться». Я даже пионерское задание – начать переписываться со школьником из социалистической страны – с выгодой для себя использовал. Наша учительница по русскому Юлиана Христофоровна – как будто специально в школу работать идут с такими именами-отчествами! – из райкома привезла адрес своей коллеги, тоже преподавательницы русского, проживающей в тогдашней Чехословакии, в Праге. Кстати, очень интересная в принципе идея – детям из разных стран переписываться. Сейчас-то, при Интернете, с этим проблем

нет, а тогда – письмецо в конверте...

Очень хорошо помню «раздачу» импортных детей в классе во время урока.

– Так, – Юлиана Христофоровна осмотрела нас поверх очков в толстой пластмассовой оправе, – кто из вас хочет написать Августину?

Почти все наши девчонки руку подняли: имя-то красивое вроде.

– Нет, девочки, – Юлиана Христофоровна категорично замотала головой, – должно быть так: девочка с девочкой, а мальчик с мальчиком... А то потом международных скандалов не оберёшься, – задумчиво добавила непонятную фразу наша учительница. – Поэтому, мальчики, поднимаем руки. Смелее! – и даже в ладоши похлопала. Естественно, что энтузиастов не оказалось.

– Лад-но, – зачем-то отдельно сказала Юлиана Христофоровна, – будем делать как всегда... Значит так, закрепляться будем по-бук-вен-но.

– Это ещё как? – спросил с места Авдеев.

– Вставать надо, Серёжа, когда спрашиваешь, а не в носу ковырять. Вот, кстати, Августина как раз на тебя и запишем: вы же у нас оба на «А».

– Я на «С»! – возмутился Авдеев.

– Не спорь с учителем, ему виднее, – ответила Юлиана Христофоровна, что-то записывая в тетрадь.

И так далее по алфавиту...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.